

Не делай добра

Автор:

Ирина Градова

Не делай добра

Ирина Градова

Детективы о женщине-стихии

В электричке по дороге на работу внимание доктора Владимира Князева привлекла сильно испуганная девушка. И несмотря на то что незнакомка отказалась делиться с ним своими страхами, Князев дал ей свою визитку. А на следующий день к нему явился следователь с сообщением о том, что рядом с больницей, где работает доктор, эту девушку насмерть сбила машина. Перед происшествием незнакомка зачем-то искала Князева...

Ирина Градова

Не делай добра

© Градова И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Пролог

В тесном помещении, освещаемом лишь чадящими свечами, было душно и жарко. При ближайшем рассмотрении свечи эти, толстые и оплывшие, оказались черными, словно расплавленные автомобильные покрышки. Воздух был спертым, как в какой-нибудь крошечной часовне с низким потолком. Плотной, удушающей дымкой он повис посередине комнаты, разделяя пространство на две части. В верхней, словно паря в эфире, плавало в дыму широкоскулое лицо с раскосыми глазами. Оно завораживало своей необычностью, какой-то потусторонней, дьявольской красотой, граничащей с уродством, – поражающий воображение диссонанс! Ослепительно-белая остроконечная шапка, отороченная мехом и усеянная сверкающими камнями, составляла разительный контраст с иссиня-черными волосами, на вид жесткими, будто проволока. Глаза колдуньи, густо подведенные и опущенные накладными ресницами, пылали, подобно уголькам в растопленной печи. Посетительнице, порядком напуганной еще до того, как она вошла, даже почудилось, что в них периодически вспыхивают красные искры. Поежившись (как она надеялась, незаметно), гостя, повинувшись жесту хозяйки помещения, опустилась на стул с высокой спинкой, покрытый оленьей шкурой. Собственно, она ориентировалась только по этой самой спинке, так как сиденья не видела, а очертания ножек стула лишь смутно вырисовывались в сизой дымке.

– Фотку принесла? – скрипучим голосом поинтересовалась шаманка.

– Ч-что? – пролепетала женщина, пораженная тем, что невероятное существо вообще способно разговаривать. Суть вопроса ускользнула от нее, словно шаманка разговаривала на иностранном языке.

– По телефону тебе должны были сказать, чтобы ты принесла фотографию неверного мужа своей дочери, – проскрежетала та.

– А, да... конечно!

Клиентка дрожащей рукой извлекла из дамской сумочки снимок и протянула шаманке. Та, не глядя, перевернула его лицом вниз, положила сверху руку и прикрыла глаза. Как загипнотизированная, клиентка не могла отвести взгляда от этой белой руки с длинными, узловатыми пальцами и ногтями, покрытыми кроваво-красным лаком. Каждый палец украшали кольца, которые, даже на неискушенный взгляд посетительницы, выглядели дорого. Только по рукам и пальцам можно было определить, что хозяйка помещения – дама немолодая. Молчание длилось долго – казалось, целую вечность. Наконец шаманка

встрепенулась и распахнула глаза. Эффект был невероятным: гостя отпрянула, чуть не свалившись со стула.

– Вижу, дочь твоя в опасности! – медленно проговорила колдунья. – Не зря ты беспокоишься, ох не зря!

Клиентка сжалась на сиденье, подобрав под себя ноги и комкая кожаный ремешок сумочки неосознанными движениями пальцев, которые, казалось, жили собственной жизнью. Ее мозг лихорадочно искал объяснения происходящему. Анна Валентиновна Корнелюк испытывала недоверие ко всякого рода эзотерическим услугам и втайне посмеивалась над знакомыми, посещавшими целителей и колдунов. Сюда ее заставили прийти крайняя нужда и рекомендации ближайшей подруги, утверждавшей, что Джамалия – настоящая волшебница, а не какая-то там шарлатанка, вытягивающая у людей последние деньги и вешающая на уши лапшу и развесистую клюкву. Но даже переступив порог и сказав себе, что обратного пути нет, Анна Валентиновна продолжала спрашивать себя, не совершает ли она ошибку.

– Дочь твою Светланой звать, – сказала между тем колдунья. Это не был вопрос. – Красивая, но не слишком успешная... Работает в больнице... нет, в школе.

– Завучем по внеклассной работе, – пролепетала Корнелюк онемевшим языком: записываясь на прием, она не называла администратору род занятий дочки. Как, спрашивается, Джамалия узнала?

– Математику любит, – продолжала колдунья, водя рукой по поверхности обратной стороны снимка Светланы.

– Да, она ее преподает...

– Это ведь не первый ее брак, верно? Предыдущий продлился недолго, есть сын... нет, дочка.

Все, что говорила Джамалия, являлось истиной, и Корнелюк не могла оправиться от шока: неужели то, что о ней говорят, правда? Неужто эта женщина в странном головном уборе, с жутким взглядом и пальцами, похожими на когти драконихи, и в самом деле волшебница, которой ведомо прошлое и будущее?!

– Первый муж пил, – вещала Джамалия. – Бил, похоже... нет, один раз было. Светлана ушла. Правильное решение: нельзя нас, баб, трогать! Второй-то не лучше, а?

Корнелюк вздрогнула, услышав вопрос: она и сама все время думала об этом, но боялась вмешаться, так как дочь цеплялась за Павла как за соломинку, последний в жизни шанс не остаться одной.

– У него другая баба есть, – проскрипела Джамалия, довольная произведенным эффектом. – Тоже блондинка, как твоя дочь. Полная только, грудастая... Знаешь такую?

Анна Всеволодовна растерянно покачала головой. Да откуда ей знать-то, она ведь с зятем почти не общается.

– Мотоциклы любит Павел, – добавила колдунья, словно и не ожидала ответа. – И баба та – тоже... Уйдет он от дочки твоей, уже лыжи наострил!

– Да я сама понимаю, что наострил! – в отчаянии воскликнула клиентка. – Делать-то что?!

– Ничего тут не поделаешь, – вздохнула Джамалия. – Могу только...

– Что? – мгновенно воспрянула духом Корнелюк.

– На время могу его удержать. Блондинку свою сиськастую он бросит, но... Кобель ваш Павел, вот что я скажу! Не в этот раз, так в другой сбежит. Только встанет это тебе недешево!

– Ну, пусть хоть не в этот раз... А недешево – это сколько?

Он на мгновение прикрыл веки: в глазах рябило от мелькающих за стеклом деревьев и кустов, абсолютно голых в это время года. Кажется, недавно еще было лето, деревья стояли зеленые – и вдруг, как-то внезапно, они лишились своего жизнерадостного покрова, превратившись в печальное зрелище. «Словно провожающие, оставшиеся на перроне, – пришла в голову неожиданная мысль. –

Другие уехали в теплые страны, а они чувствуют себя брошенными, вынужденные влачить жалкое, одинокое существование – по крайней мере, до следующей весны!»

Мономах с тоской подумал о том, что ему еще как минимум две недели ездить на электричке на работу. Пока машина в ремонте и работники автосервиса дожидаются необходимых деталей из-за границы, приходится мириться с неудобствами. И черт дернул Артема подарить отцу такую дорогую тачку! Можно, конечно, пользоваться маршруткой, но она идет круглым путем, да еще и по пробкам. Нет, уж лучше поездом!

Привыкнув передвигаться всюду на автомобиле, Мономах не задумывался, что множество людей вынуждены пользоваться пригородными электричками. В подавляющем большинстве это иностранные рабочие, проживающие в загородных бараках и ездящие в Питер на стройки, склады и рынки. Встречаются и студенты, и даже вполне респектабельные граждане, отчего-то предпочитающие именно этот вид общественного транспорта. Мономах к таковым не относился.

Открыв глаза, он увидел, что напротив сидит молодая женщина. Она зябко куталась в толстую шерстяную кофту, почти полностью скрывающую фигуру. «Немного не по сезону, – подумалось Мономаху. – Холодно!» Симпатичное лицо без косметики, густые темно-каштановые волосы, карие глаза. Но взгляд Мономаха приковывало кое-что другое – желтоватые пятна на шее и щеке пассажирки, которые еще недавно, несомненно, были лиловыми. «Кто же наставил тебе таких синяков? – спросил он девушку про себя. – Жених или муж? А может, отец?» На безымянном пальце незнакомки отсутствовало кольцо, но это мало что значит: во-первых, не все его носят, а во-вторых, можно просто жить с женщиной, не расписываясь – сейчас это принято называть гражданским браком. Никому не приходит в голову, что гражданский брак на самом деле означает наличие штампа в паспорте, а не его отсутствие, в противоположность церковному браку, который такого штампа не предполагает вовсе. Пассажирка имела жалкий вид – со следами синяков на нежной коже и затравленным выражением на лице. Дверь в тамбур открылась, и девушка дернулась, обернувшись. Странная реакция на обычное действие, то и дело происходящее в вагоне! Пассажирка настороженным взглядом проводила мужчину, прошедшего по проходу на свое место – видимо, он выходил подышать. Чего она боится? Проклиная себя за то, что не может промолчать, Мономах наклонился вперед и спросил:

– Вам плохо?

Девушка вздрогнула, словно по ее телу пропустили электрический разряд. Ее глаза широко распахнулись и ошалело уставились на него.

– Я могу вам помочь? – снова задал вопрос Мономах.

На этот раз он удостоился ответа – девушка помотала головой, одновременно кусая губы, и выдавила:

– Я... в порядке.

Прозвучало неубедительно, но кто он, собственно, такой, чтобы лезть в душу незнакомому человеку? Тем не менее Мономах решил логически завершить «сеанс» человеколюбия. Он полез за пазуху, вытащил визитку и протянул незнакомке.

– Вот, возьмите, – сказал он. – Вдруг передумаете?

Пассажирка молча взяла картонный прямоугольник и пробежала глазами короткий текст.

Больше оба не произнесли ни слова. Ступив на платформу, Мономах постоял немного, провожая взглядом странную попутчицу. Ее походка была стремительной. Куда она идет? Или убегает?

Покачав головой, Мономах двинулся к зданию вокзала.

* * *

Алла разогнула спину и расправила плечи, думая о том, что обращение к диетологу было, пожалуй, одним из мудрейших решений, которые она приняла за всю свою тридцатишестилетнюю жизнь. Еще два месяца назад она чувствовала бы себя разбитой, проскакав по подлеску в сопровождении полицейских в форме, а потом долгое время стоя на краю неглубокой ямы, в которой лежало тело убитой женщины. Алла ждала, пока труп, случайно

обнаруженный подвыпившей влюбленной парочкой, осматривала судмедэксперт. Она успела опросить насмерть перепуганных любовников, протрезвевших и с ужасом ожидающих ее заверений, что их маленькая шалость останется тайной, ведь оба имеют законных супругов. Алла охотно пообещала, что не выдаст их, если они будут откровенны. Она не рассчитывала получить сведения, способные установить обстоятельства происшедшего, но в таких делах важна каждая мелочь. Если передать содержание допроса в двух словах, парочка решила уединиться в подлеске, оставив машину у обочины шоссе. Они искали укромное местечко для пикника, когда женщина едва не угодила в прикрытую ветками и жухлой травой яму, где и находилось тело. Влюбленные долго спорили, стоит ли вызывать полицию, но многие видели их на заправке неподалеку, а с шоссе отлично просматривается тропинка, по которой они ушли. Рано или поздно тело нашли бы, а они стали бы подозреваемыми. Однако Алла предполагала, что дело обстояло несколько иначе. Парочка решила сбежать, но на выходе из подлеска натолкнулась на сотрудников ГИБДД у оставленной машины. Деваться было некуда.

– Я закончила, – сказала крошечная женщина, выбираясь из ямы при помощи оперативного сотрудника. – Это, несомненно, убийство.

Анна Яковлевна Сурдина слыла одним из самых опытных и уважаемых в своей сфере специалистов, и любой прокурор мечтал о том, чтобы заполучить ее в качестве эксперта. В свои пятьдесят с гаком со спины она производила обманчивое впечатление шестиклассницы. Морщинистое личико, напоминающее обезьянью мордочку, обрамляли выющиеся волосы, а темные блестящие глаза весело глядели из глубоких глазниц – казалось, Анна Яковлевна всегда пребывает в отличном настроении и ничто на свете не может заставить ее расстроиться или выйти из себя. Алла знала, что Сурдина одна вырастила двоих сыновей (что определенно было нелегко!), и уважала ее за неизменную жизнерадостность и за то, что судмедэксперт никогда не позволяла себе жаловаться на судьбу. А еще потому, что не делала скоропалительных выводов: Сурдина говорила лишь то, в чем была абсолютно уверена. И она произнесла «волшебное» слово – убийство.

– Причина смерти? – выпалила Алла и тут же поймала укоризненный взгляд собеседницы.

– Аллочка Гурьевна, вы же в курсе, что я...

– Да-да, простите, Анна Яковлевна, – тут же исправилась Алла. – Ну, хоть намекните, что ли?

– Труп не свежий, сами понимаете...

– Не огнестрел, не ножевое?

– Петехиальные кровоизлияния, след от удавки на шее – все указывает на удушение. Остальное скажу позднее.

– Можете хотя бы сказать, не беременна ли жертва?

– Это важно?

– Возможно.

– Я вот понять не могу, с чего вас-то дернули? СКР обычными убийствами вроде не занимается?

– Вы в курсе, что за последний месяц в городе уже три убийства молодых женщин произошло? Эта – четвертая.

– Вы меня простите, Алла Гурьевна, но нашего брата – вернее, сестру – убивают ежедневно. По пьяни, из ревности, ради денег, да и просто так, чего уж греха таить! Что заставляет вас думать, что это серия?

– Вы правы, Анна Яковлевна, пока рано говорить, – согласилась Алла. – Но те три убийства решено объединить в одно дело. Их связывает беременность.

– Ого! – присвистнула Сурдина. – Так вот почему вы спрашивали! Но я все равно не могу ничего сказать прямо сейчас, понимаете? Возможно, к вечеру.

Оказавшись в машине оперативно-следственной бригады, Алла закрыла дверцу и вытащила из сумки пластиковый контейнер с варенной на пару брокколи, кусочком куриной грудки и парой помидоров черри. Диетолог Евгения Добрая строго-настрого наказывала не пропускать приемы пищи, и Алла, куда бы ни заносила ее работа, старалась выполнять указание. Есть надо не реже пяти раз

в сутки, ее рацион диетолог расписала досконально. Поначалу Алле казалось, что так питаться невозможно, но спустя несколько недель она поняла, что не все так ужасно. Пришлось забыть о пирогах и плюшках, перейти на нежирное мясо и заменить макароны овощами, зато Алла начала есть рыбу, о существовании которой почти забыла за два года пищевой распушенности, как называла ее расстройство диетолог.

Дверь резко отъехала в сторону, и Алла едва не подавилась куском курицы.

– Приятного аппетита! – сказал Антон Шеин, старший оперуполномоченный бригады, плюхаясь на сиденье. Алла не стеснялась коллег: они в курсе ее ситуации и относятся с пониманием. И даже, сказала бы Алла, со снисхождением и сочувствием: бедная женщина пытается сбросить вес, поэтому ее необходимо поддержать и пожалеть!

– Вкусно пахнет! – добавил Антон. Он кривил душой: при одном взгляде на брокколи и куриную грудку его охватила неизбывная тоска по хорошему бифштексу с жареной картошкой, обильно политой кетчупом. Но он, Антон, настоящий товарищ, поэтому не станет рассказывать об этом тому, кто вынужден питаться «подножным кормом»!

– Тело увезли? – спросила Алла, закрывая крышку контейнера.

– Да. Можем ехать!

– Вот и ладненько.

– Алла Гурьевна, вы считаете, мы имеем дело с маньяком?

– Кто говорит о маньяке? – встрепелась Алла. – Серия – еще не значит маньяк, вам ли не знать! Одна из женщин умерла от потери крови, что может указывать на непрофессионально сделанный аборт. Еще одна также прошла через эту процедуру, однако не она стала причиной смерти. Третья погибла в результате падения с высоты собственного роста и удара об угол какой-то мебели – скорее всего, стола. Всех троих связывает беременность, но я не торопилась бы с выводами: Питер – чертовски большой город, и в нем полно изуверов, способных на самые жуткие преступления! Только дочь телеведущей и Гуревич умерли недалеко друг от друга, но это может быть простым совпадением. С другой

стороны, данный факт может оказаться зацепкой.

– Если кто-то промышляет нелегальными абортами, то жертвы должны быть связаны территориально. Одна женская консультация, одна клиника, так?

– Не обязательно, – возразила Алла. – Во-первых, как вы сами сказали, аборт, скорее всего, были сделаны нелегально. Кто, спрашивается, в таких случаях действует через официальную женскую консультацию?

– Но они хотя бы жить должны поблизости!

– Не факт. Как женщина, говорю вам, что, возникни такая необходимость, я попыталась бы найти клинику подальше от места, где живу. Сами подумайте: женщина по какой-то причине не может позволить себе родить. К примеру, она слишком молода, живет с родителями и боится признаться...

– Как вторая жертва, – кивнул Антон. – Ей всего шестнадцать – девчонка!

– Или, скажем, она замужем, а беременна от любовника. Или уже имеет детей, которых с трудом в состоянии прокормить. У женщин есть друзья, знакомые, родственники, а значит, существует шанс, что кто-то их увидит. Этого нельзя допустить, поэтому территориальный признак не срабатывает. К тому же не забывайте, что только двое подверглись аборту.

– И что же делать?

– Ждать вскрытия и отчета судмедэксперта. А еще выяснять подноготную погибших. Пока дела не объединили в одно, они расследовались ни шатко ни валко, но теперь все иначе. Узнайте все о жертвах, опросите родственников, найдите возможных отцов нерожденных детей... Что-то же должно у них быть общее?

Шеин ничего не ответил, а про себя подумал, что СК не имел бы к случившемуся отношения, не окажись одна из жертв дочкой телезвезды. Она ведет рейтинговое политическое шоу по государственному каналу и имеет большие связи. Так и вышло, что тут тебе и серия, и руководитель Первого следственного отдела Первого управления по расследованию особо важных дел Суркова. И он,

Антон Шеин, со своей бригадой.

* * *

Мономах открыл дверь кабинета и с облегчением приземлился в свое старое, но такое удобное кресло. Рабочий день окончен, и он может с чистой совестью отправляться домой, к преданно ожидающему его возвращения Жуку. Проверив телефон, он увидел девять пропущенных звонков и сообщение от Гурнова, зава патологоанатомическим отделением. Что за срочность заставила Ивана названивать столько раз? Мономах уже намеревался открыть сообщение, когда раздался стук в дверь. За годы работы заведующим отделением он научился определять визитеров по тому, как они стучат. Пациенты в большинстве своем делали это тихо и нерешительно. Родственники пациентов – требовательно и настойчиво. Коллеги – по-деловому, коротко и громко. Сейчас Мономах не смог определить, к какой категории относится человек по другую сторону двери. Возможно, дело в усталости?

– Войдите! – крикнул он.

Дверь отворилась, и на пороге возник незнакомый мужчина. Родственник пациента? Хотя вряд ли – уж слишком официально одет.

– Владимир Всеволодович Князев? – уточнил незнакомец. А кого он ожидал увидеть за столом личного кабинета зава ТОН, специализированного травматолого-ортопедическо-нейрохирургического отделения?

– Это я, – ответил Мономах. – А вы?

– Олег Витальевич Мартынюк, старший оперуполномоченный Выборгского РУВД, – представился вновь прибывший.

– Что-то я не понимаю...

– Это ваша визитка, Владимир Всеволодович? – Вместо объяснения Мартынюк протянул ему белый прямоугольник.

– Ну да, моя – там так и написано, – подтвердил Мономах.

– Верно. Только там не написано, как ваша карточка оказалась у жертвы преступления.

– Преступ... погодите, кого убили?

– С чего вы взяли, что убили?

– Вы же сказали: «жертвы»!

– Понятно, – поджав губы, кивнул Мартынюк. Несмотря на то что Мономах не ощущал за собой вины, он почувствовал, что во рту внезапно пересохло. Почему в присутствии представителя органов рядовые граждане теряются и начинают вспоминать грехи, большие и малые, которые могли привести к неожиданному визиту? Будто бы чувство вины изначально заложено в человеке и тихонько дремлет в глубине организма в ожидании как раз такого момента!

– Простите, что вам понятно? – поинтересовался Мономах.

– Кем вам приходится Яна Романовна Четыркина? – вновь оставив вопрос без ответа, спросил Мартынюк.

– Кто?

– Так зовут жертву.

– Впервые слышу это имя. Она пациентка?

– Вам лучше знать.

– Знаете что, господин... старший оперуполномоченный, – Мономах уже забыл имя-отчество незваного гостя, – я попрошу вас выражаться яснее. Какое отношение эта ваша Четыркина имеет ко мне? Если она пациентка, то не моя, иначе я бы знал. Кого-то из моих врачей? Если так, то из вновь поступивших, иначе, опять же, я бы...

– Я присяду, не возражаете?

Не дожидаясь согласия, Мартынюк уместился на диване напротив стола Мономаха, закинув ногу на ногу. При этом стали видны его носки канареечного цвета, абсолютно не подходящие к деловому костюму.

– Владимир Всеволодович, я вам не враг, – продолжил он, в упор глядя на визави. – Но, вы же понимаете, я должен убедиться...

– В чем? – перебил Мономах. – Не я ли убийца?

– Совершенно верно.

– Не хотите рассказать, что случилось?

– Сначала еще один вопрос: вы действительно не знали, что Четыркина поступила в вашу больницу по «Скорой»?

– Да я же говорю, что не знаю, о ком вы!

– Вот ее фотография, – на стол легла ксерокопия черно-белого снимка – скорее всего, из паспорта. Несмотря на плохое качество печати, Мономах тут же узнал лицо, так как видел его совсем недавно.

– Побои? – помимо воли вырвалось у Мономаха.

– Побои? – опер даже привстал. – Почему вы так сказали? Вы же только что утверждали, что знать не знаете жертву!

– Да не знал я ее...

– Не знали, но опознали по фотографии?

– Я видел ее всего однажды. Тогда и визитку дал.

– Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились?

– Не то чтобы познакомились, – поморщился Мономах и рассказал о недавней встрече в электричке. Повествование заняло пару минут – собственно, и рассказывать-то было нечего. Когда он закончил, Мартынюк некоторое время сосредоточенно жевал нижнюю губу, обдумывая услышанное.

– Значит, вы дали ей визитку, – подытожил он наконец. – Почему вы это сделали?

– Я же сказал – девушка выглядела несчастной и напуганной.

– А вы у нас, выходит, защитник обездоленных? – Фраза звучала издевательски, и Мономах начал закипать.

У него выдался на редкость утомительный день, он устал и мечтал поскорее оказаться дома. А этот Мартынюк имел наглость задавать дурацкие вопросы, всем своим видом демонстрируя недоверие к каждому его слову! Но прежде чем Мономах успел вспылить, опер, видимо, почувствовал, что зашел слишком далеко, и переформулировал предыдущий вопрос:

– Владимир Всеволодович, что заставило вас решить, что девушка в поезде нуждалась в помощи?

– Я заметил синяки у нее на шее, – ответил Мономах, вспоминая свои тогдашние ощущения. – Она прикрывала их, но я все равно увидел.

– Считаете, это говорит о домашнем насилии?

– Вполне вероятно, но утверждать не могу, это всего лишь предположение. Девушка вела себя странно, при каждом звуке вздрагивала и оборачивалась.

– Как вы смогли бы ей помочь? Раз дали визитку, значит, что-то было у вас на уме?

– В больнице работает психолог, хороший специалист. К нам порой поступают пациентки в тяжелой жизненной ситуации, и она оказывает поддержку. Я подумал... Но вы так и не сообщили, что случилось с девушкой?

– Она попала под машину.

– Но вы же сказали...

– Четыркину доставили в вашу больницу, в травматологическое отделение. Ее пытались спасти, но, как сказал хирург, травмы оказались несовместимы с жизнью. Свидетели утверждают, что девушка не сама бросилась под автомобиль – ее толкнули.

– Кто?

– Парень в толстовке с капюшоном, по словам очевидцев. А случилось все у вашей больницы вчера вечером. Теперь понимаете, почему меня заинтересовала ваша карточка, найденная в вещах Четыркиной? Она приходила к вам.

– Ко мне?!

– Доктор, а что вас так удивляет, вы же сами дали ей визитку! О чем вы говорили?

– Да не говорили мы, я ее не видел!

– А вот работники больницы утверждают, что она получала временный пропуск, чтобы пройти в ваше отделение.

– Неужели? – Мономах растерялся. – Но я... мы не встретились! Во сколько это было?

– Если верить журналу выдачи временных пропусков, в шесть тридцать.

– К этому времени я уже ушел. Это можно проверить.

– Непременно. Значит, говорите, Четыркина приходила, но вас не застала?

– Я не так говорил. Я сказал...

– Да помню, помню! Ладно, доктор, на сегодня мы закончили. До встречи. Кстати, на тот случай, если вы не в курсе: жертва была беременна.

* * *

– Я же звонил тебе и даже писал, предупредить пытался! – с укоризной качал головой Гурнов, провожая Мономаха в трупохранилище.

– Ну извини, я на операции был! – огрызнулся тот. – Значит, Мартынюк с тобой разговаривал?

– Ничего путного я ему сказать не смог: вскрытие как вскрытие... ну, за исключением плода, разумеется.

– Почему не удалось спасти?

– На третьем-то месяце?

– А сама от чего умерла?

– Видишь, как бывает: хоть и произошло все у самой больницы, хоть и помощь вовремя оказали, а вот поди ж ты... – Гурнов махнул рукой, словно сердясь на кого-то. – Шансов у девчонки немного было: позвоночник на честном слове держался, множественные переломы конечностей...

– Что известно о водителе?

– Шутишь? Он рванул оттуда, как будто за ним черти гнались!

– Оставил девочку помирать?

Гурнов развел длинными, словно крылья цапли, руками. Он и сам здорово походил на птицу – высокий, костлявый, узколицый, с крупным тонким носом и близко посаженными глазами.

Взгляд Мономаха еще раз скользнул по телу незнакомки. Нет, уже не незнакомки: он знал, что ее зовут Яна. Наверняка где-то живут ее родственники – почему они не помогли, если она попала в беду?

– Какие вещи при ней были? – спросил он патолога. – Телефон?

– Опер тоже спрашивал, – кивнул Гурнов. – Не было телефона. Он мог выпасть из сумки на тротуар, а там кто-нибудь ему ноги приделал – народ попадаетеся вороватый! Сумочку Мартынюк забрал. А вот это – нет, – и он, подойдя к шкафу, вытащил пластиковый пакет. Внутри оказались какие-то бумажки.

– Что это?

– Счета. За квартиру и за электроэнергию, кажется.

– Почему Мартынюк их не взял?

– Наверное, потому, что они не в сумке были, а в заднем кармане джинсов. Одежду он не затребовал.

– А как же экспертизы там всякие?

– Так а че тут «экспертировать»-то? – развел руками Гурнов. – Причина смерти очевидна!

– Опер сказал, там свидетели были, – вспомнил Мономах. – Может, кто-то номер машины запомнил?

– Может, и так, только водитель, если подумать, не так и виноват. Мартынюк сказал тебе, что девчонку толкнули под транспорт?

– Сказал... По-видимому, псих? Помнишь, в метро такой промышлял одно время, людей с перрона сталкивал под поезда?

Гурнов только плечами пожал.

– Мне показалось, Мартынюк меня подозревает, – продолжал Мономах.

– А как же! Им нужен виноватый, а ты – удобная кандидатура! Только вот кроме твоей визитки вас с жертвой ничто не связывает. Или я чего-то не знаю?

– Я все рассказал – и тебе, и Мартынюку. Я понятия не имел, что она пыталась со мной встретиться!

– Чудны дела твои, господи! – снова всплеснул длиннющими руками патолог. – Вот не встретил бы ты девчонку в электричке, не оставил бы ей визитку – и не пришел бы к тебе Мартынюк.

– Скажи еще, что и она бы жива осталась!

– Ты не виноват, но, не предложи ты ей помощь, она бы сюда не пришла, верно? А значит, могла бы избежать такой нелепой смерти!

– Или эта самая смерть нашла бы ее в другом месте. Что, если ее и в самом деле кто-то преследовал?

– О, теория заговора! – обрадовался Гурнов, зато Мономах напрягся: он невольно направил мысли приятеля в обожаемое им русло.

– Окстись, Иван, какой заговор! Скорее всего, девушку нашел ее собственный муж. Или сожитель.

– И сразу убивать? – возразил патологоанатом. – Да еще на глазах у десятков людей?

– А если предположить, что он ее не толкал?

– Как это?

– К примеру, хотел догнать, а она шуганулась – и в сторону. А там машина?

– Что ж, такое возможно, – неохотно согласился Гурнов.

Лицо погибшей выглядело спокойным – не то что тогда, в вагоне. На бледной коже явственно обозначились следы свежих синяков.

– Последствия аварии, – пояснил патолог, заметив, на что смотрит Мономах. – А вот эти – старые, – он провел тонким, узловатым пальцем по шее покойницы. – Я обнаружил на теле кучу подобных следов!

– Домашнее насилие?

– Синяки различной степени заживляемости – значит, появлялись в разное время. Бедная девка!

– Ну да, а зачем терпеть-то? – возразил Мономах. – Один раз ударили – беги!

– А если некуда? – предположил Гурнов. – И потом, куда ж ей, беременной?

– Знаешь, беременными за один день не становятся! Жила же она с этим извергом...

– Ты кого сейчас убеждаешь? Никто тебя за язык не тянул помощь предлагать!

– Точно, – вздохнул Мономах. – Не делай добра, не получишь зла!

– Во-во! – согласно закивал патолог. – Дернем по маленькой? За упокой невинной души? Ты же не за рулем, так?

* * *

– Почему я должен отдать дело?

Голос следователя звучал по-детски обиженно, словно у него отнимали конфету или любимую игрушку. Алла не желала ссориться – не плюй в колодец, как говорится, вдруг ей еще придется обратиться к этому Кравцу? Поэтому она попыталась объяснить.

– Видите ли, Алексей Дмитриевич, ваше дело может оказаться связанным с нашим.

– Может? То есть вы не уверены?

– В течение нескольких недель в городе убиты несколько женщин. Все были беременны.

– Вы говорите о маньяке?

– Не обязательно. Убийства совершены различными способами, и в одном случае смерть наступила от кровотечения, так что...

– Так что вообще не ясно, имело ли место убийство?

– Послушайте, – начала терять терпение Алла, – я могла организовать звонок вашему начальству, и вы отдали бы дело, не задавая вопросов, получив прямой приказ! Однако я хотела действовать честно, потому что вы – мой коллега и я не желала ставить вас в неловкое положение!

– Надо же, – хмыкнул Кравец, – обычно вы, комитетские, не слишком-то печетесь о приличиях!

– Так мне поступить так, как вы от меня ожидаете, или попробуем по-человечески?

Некоторое время Кравец молчал. По его лицу Алла видела, что внутри у него идет борьба. С одной стороны, всякий следак только рад передать дело другому, но тут существовало два «но». Первое: каждый человек, работающий в районных участках, кровно ненавидит людей из Комитета, у которых априори больше полномочий и, как следствие, раздутое эго и презрение к тем, кто не имеет комитетского прикрытия. Второе: если Четыркина окажется жертвой маньяка, то, расследовав дело, Кравец может заслужить очередную звездочку на погонах. Алле думалось, что второе «но» перевешивает: Кравец с первого взгляда показался ей скорее карьеристом, нежели борцом с вселенской несправедливостью. Она предполагала, что следователь примет правильное решение, не станет вступать в конфронтацию с более сильным противником, и именно по этой причине Алла не мешала его внутренней баталии. Наконец он заговорил:

– Вам надо поговорить с Олегом Мартынюком.

– Ему удалось что-то узнать?

– Не просто «что-то». У нас есть подозреваемый!

– Да ну? – встрепенулась Алла. – Это же великолепно! Кто он?

– Некий Князев, доктор. Он знал девушку, хотя и отрицает этот факт. Подозрительно, не находите?

– Простите, вы сказали – Князев? – Алла едва не поперхнулась. – А в какой больнице...

– Во Второй городской. А что такое?

– Н-нет, ничего... – Вот уж чье имя она не ожидала услышать! – А что заставляет вас считать этого человека подозреваемым?

– У жертвы обнаружена его визитная карточка.

– Ну знаете, если мы начнем записывать в преступники всех врачей, которые раздают карточки пациентам...

– Четыркина не являлась его пациенткой, и я еще не закончил! Девушка приходила к Князеву накануне гибели. Он утверждает, что она его не застала.

– Может, правда?

– Может. Только вот наш доктор отрицает, что знал погибшую!

– Но что, если он не врет? К примеру, девушка заполучила карточку не лично от него, а взяла у кого-то?

– Исключено: Князев признался, что сам дал ей визитку.

– Вы же сказали, он отрицает факт знакомства?

– Не знакомства, а того, что знал Четыркину.

– Что-то я потеряла нить!

– Князев признает, что встречал жертву, но всего один раз, в поезде. По его словам, она выглядела напуганной и еще, кажется, он заметил следы синяков на ее коже. Он дал ей визитку и предложил обращаться, если возникнет необходимость. Видите ли, он проникся сочувствием к незнакомке и решил оказать поддержку! Странно, да?

Вовсе нет, подумала Алла. Все, что она знала о Владимире Всеволодовиче Князеве по прозвищу Мономах, которое он получил благодаря имени-отчеству и фамилии, говорило в пользу ошибочности мнения Кравца: Князев мог пытаться помочь незнакомке, это вполне в его характере. Алла столкнулась с ним во время расследования убийства адвоката Гальперина, оказавшегося впоследствии изощренно обставленным самоубийством[1 - Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Предложение, от которого не отказываются».]. Первое, что доктор сделал при их знакомстве, – измерил Алле давление, почувствовав, что подъем по лестнице дался ей тяжело. Тогда Алла весила на семь килограммов – и четыреста граммов! – больше, чем сейчас, и она до сих пор боялась признаться себе, что именно слова Князева заставили ее всерьез задуматься о диете.

Он здорово помог ей с делом, но и помешал тоже, отпустив подозреваемую. Женщину, убившую несколько человек. Скорее всего, она была психически нездорова и верила в то, что действует из милосердия. И все же Алла до сих пор хранила обиду на врача, хоть и понимала мотивы его нежелания отдавать преступницу в руки правоохранительной системы. Но одно она знала почти наверняка: Князев не убийца.

– Между прочим, у него отсутствует алиби на момент убийства, – добавил между тем Кравец. – Он утверждает, что ко времени визита Четыркиной покинул рабочее место, но охранник затруднился подтвердить.

– Вы сказали, Князев познакомился с жертвой в поезде, – перебила Алла. – У него, наверное, есть личный автомобиль? – Она точно знала, что есть, но не собиралась говорить Кравцу, что знакома с подозреваемым.

- Его тачка в ремонте. Он так сказал, но это еще предстоит проверить.
- А как насчет обратного билета? Если Князев и обратно возвращался на поезде...
- Тоже проверим. Но согласитесь, то, что он отрицает близкое знакомство с Четыркиной, подозрительно?
- А почему именно близкое знакомство? – удивилась Алла. – Пока что я не вижу нестыковок в его показаниях.
- Хотите расскажу, как мне видится все это дело? – спросил Кравец.
- С удовольствием послушаю.
- У Князева с Четыркиной был романчик. Несерьезный – так, время провести. Он ее поколачивал... или один раз поколотил, когда Четыркина кинула ему предьяву с беременностью.
- То есть вы полагаете, отец ребенка – Князев? – уточнила Алла, надеясь, что ее лицо не выдает того, насколько абсурдным выглядит предположение.
- А какая разница?
- Такая, что тест ДНК снимет все сомнения!
- Но она могла и лгать, так? – не сдавался следователь.
- В смысле, пыталась подсунуть доктору чужого отпрыска?
- Почему нет? Четыркина – неблагополучная девица, судьба свела ее с человеком совершенно иного уровня, вот она и вцепилась в него обеими руками в надежде что-нибудь поиметь!
- Откуда вы взяли, что она неблагополучная?

– Четыркина снимала комнату у хозяйки, вот что мы выяснили. Опера комнату осмотрели. Жила бедно, нигде не работала.

– А на что жила, как за жилье платила?

– Может, Князев подбрасывал деньги?

– А хозяйка видела его в квартире?

– Нет, – насупился Кравец. – Она говорит, вообще мужчин не было... Но это ничего не значит – может, он светиться не хотел?

– Следуя вашей версии, Князев ребенка не хотел и потому толкнул Четыркину под машину. Кстати, вы пока не доказали, что это было сделано преднамеренно!

– Есть свидетели.

– Им могло показаться. Скажем, мужчина в капюшоне бежал не разбирая дороги и случайно задел жертву. Она не устояла на ногах, оступилась и упала. Между прочим, как вам удалось отыскать свидетелей за столь короткий срок?

– Врачи «Скорой» рассказали.

– Получается, вы основываете свои предположения на показаниях, сделанных с чужих слов?

– Да найдем мы свидетелей, найдем! По Пятому каналу прошли сообщения с просьбой позвонить в студию тех, кто стал очевидцем происшествия.

– Но вы уже мысленно осудили врача лишь на том основании, что он вручил свою визитку незнакомой девушке из желания помочь?

– Осуждает у нас суд, Алла...

– Гурьевна, – услужливо подсказала она, прекрасно понимая, что Кравец запомнил ее редкое отчество и просто пытался сделать их общение менее

официозным или, что гораздо хуже, старался унижить ее, отыгаться за комитетские корочки.

– Так вот, Алла Гурьевна, я никого не пытаюсь подставлять. Мне, как и вам, важна правда!

– Что ж, надеюсь, так и есть, – пробормотала она себе под нос, но достаточно громко, чтобы следак ее услышал. – Могу я теперь поболтать с оперативником, который допрашивал Князева?

* * *

Нажимая на звонок, Мономах не переставая твердил про себя, что совершает ошибку. Ну кто просит его это делать? Полиция разберется! Но какое-то шестое чувство мешало Мономаху поверить в то, что Мартынюк будет слишком стараться. А вдруг опер и впрямь решил сделать из него главного подозреваемого? Он, разумеется, ничего не решает, все будет зависеть от следователя по делу, но мнение оперативника внесет свою лепту как пить дать! А в том, какое мнение Мартынюк составил о нем, Мономах не сомневался ни секунды: будь опер судьей, его уже везли бы в ИВС.

Мономах решил наведаться в съемную квартиру Яны Четыркиной не только в надежде снять с себя подозрение. Он ощущал ответственность, как будто какое-то его действие, предпринятое вовремя, могло все изменить и девушка осталась бы жива. Отчасти на эту мысль его натолкнул разговор с Гурновым. Приятель не пытался вызвать в нем угрызения совести – наоборот, надеялся облегчить бремя, но его попытки возымели обратный эффект. Мономаха мучил вопрос: зачем Яна приходила в больницу? Она получила временный пропуск в его отделение. Администраторша, видимо, не заметила, что он уже ушел, потому и выписала его. Если бы они встретились, что бы это изменило? Узнай Иван о том, что сейчас творит Мономах, схватился бы за голову!

– Так это вы мне звонили? – уточнила хозяйка, провожая его в квартиру. – Вы – друг Яны?

– Да... знакомый, – не слишком уверенно подтвердил он.

– Это хорошо.

– Почему?

– У меня создалось впечатление, что у бедной девочки никого нет – по крайней мере, здесь. Полицейский, который со мной беседовал, спрашивал, не знаю ли я кого-то из знакомых Яны, но я ничего не смогла сообщить. Наверное, вам стоит встретиться с этим полицейским? У меня записаны его данные...

– Я с ним разговаривал, – перебил женщину Мономах.

– Тогда зачем вы пришли?

– Вы же понимаете, что в полиции мне ничего не расскажут?

– Ах, ну да, конечно. Что вы хотели узнать?

– Кажется, у Яны были проблемы, – осторожно начал он.

– Неужели? – нахмурилась женщина. – Я мало что о ней знала, ведь мы общались только во время передачи денег за квартиру.

– Как давно вы сдавали ей квартиру?

– Меньше месяца. Я понятия не имела, что Яна беременна, ничего не было видно!

– Это имело значение?

– Честно говоря, я отказала бы ей, если б знала.

– Почему?

– Во-первых, не хотела жалоб от соседей по лестничной клетке. Мне с ними не повезло, кляузники жуткие! Маленький ребенок – это шум и неудобства, крики по ночам, понимаете? Да и сдавать я хотела только одинокому человеку, без семьи, чтобы квартиру не «убили», а девушка беременна, значит, может

появиться бойфренд, жених, муж...

– А сдачей занимался риелтор?

– Нет, – покачала головой хозяйка, – я разместила объявление в Интернете. Вот вам и еще одна причина не нервировать соседей: они могут создать кучу неприятностей, зная, что все неофициально... Вы ведь никому не расскажете?

– Я не из полиции.

– А тот полицейский меня об этом и не спрашивал! Зачем вам такая информация?

– Я подумал, что риелтор мог бы помочь получить дополнительные сведения.

– А насколько близко вы были знакомы с Яной? – поинтересовалась квартирная хозяйка.

– Не очень близко, – признался он. – Она обратилась ко мне за помощью, но я не смог... вернее, не успел ей помочь.

– Понятно. Знаете, я никогда не задумываюсь над тем, какую жизнь ведут мои жильцы – главное, чтоб соседи были довольны. Да и с какой стати мне лезть в их дела?

– Я понимаю, – кивнул Мономах. – Но не замечали ли вы чего-то странного?

– Странного? – снова нахмурилась хозяйка. – Что вы имеете в виду?

– Не была ли Яна... ну, расстроена, что ли, или напугана?

– Напугана? Да нет, честно признаться...

– И синяков не видели?

Внезапно женщина встрепенулась.

– Были синяки! – воскликнула она. – Вернее, один, но большой – на скуле. Я спросила, что случилось, но Яна объяснила, что в темноте напоролась на косяк. Я расспрашивать не стала, неудобно как-то – ну, выпила девчонка лишку, с кем не бывает! А вы думаете...

– Мне просто показалось, что у Яны неприятности и что эти неприятности связаны с насилием. Думал, может, ее парень постарался?

– Какой ужас! Но я уже сказала вам, что ни разу не видела Яну с мужчиной, она всегда находилась дома одна, когда я заходила. Да и следов мужского присутствия я не замечала, и соседи ничего не... Господи, неужели кто-то ее избивал?!

– Скажите, тот полицейский, который приходил к вам насчет Яны, осматривал квартиру?

– Минут пять – чего там смотреть-то? Спросил про родственников, про знакомых – и все. Правда, забрал ее записную книжку и документы, они в комоде лежали.

– А личные вещи?

– У Яны было мало вещей. У меня сложилось впечатление, что она не планировала долго оставаться.

– Почему?

– Ну, знаете, девушки любят покупать кухонные принадлежности, какие-то фенечки, одежду. У Яны в шкафу я обнаружила пару-тройку свитеров и юбок, да еще кое-что в комоде – и все. Кстати, кому я могу все это отдать?

– Наверное, у Яны есть родные, – предположил Мономах. – Мне о них не известно, но, если узнаю, сообщу вам.

– Хорошо, – согласилась Полина Геннадьевна. – На самом деле, сумку с ее вещами я собрала, так что она просто будет ждать того, кто за ней придет... Погодите! – внезапно спохватилась женщина. – Не знаю, имеет ли это значение, но, когда я тут прибиралась, уже после визита полиции, нашла под комодом

одну штуку. Я сейчас!

Хозяйка исчезла за дверь, но вскоре снова появилась.

– Вот, – сказала она, протягивая Мономаху маленький картонный прямоугольник. – Наверное, надо было полицейскому отдать!

– Почему вы этого не сделали?

– Он мне не понравился. Такой нудный, самоуверенный малый. Довольно грубый, кстати! Не хотелось вновь с ним встречаться. Может, вам пригодится?

Мономах повертел в руках визитку. «Дочки-матери» – что это, организация помощи беременным женщинам? Он поблагодарил хозяйку квартиры и распрощался.

* * *

– Итак, что нам известно? – спросила Алла, расположившись на фоне белой доски, точной копии той, что имела у нее дома. На этой доске она записывала информацию, относящуюся к делу. Это удобно: всегда можно стереть недостоверное или утратившее актуальность и добавить новые факты.

– На данный момент, – начал Антон Шеин, – у нас на руках пять трупов. Крайний возник, как говорится, в последний момент.

– Мы разрабатываем версию о маньяке? – уточнил Дамир Ахметов. – Просто одна – задушена, другая попала под машину, третья умерла от травмы головы...

– Антонина Гуревич, которую нашли утром на скамейке в парке, потеряла почти четыре литра крови и умерла, не получив вовремя помощи, – добавила Алла. – А Юлия Иродова, дочка телеведущей, которую обнаружили в подъезде, погибла от черепно-мозговой травмы.

– Упала с лестницы? – предположил Дамир.

– Нет, речь не идет о падении. Ее ударили головой о ступеньки, несколько раз. Я только сегодня получила окончательное заключение патолога, а потому не успела довести до вашего сведения.

– Все девушки умерли по-разному, – сказал Шеин. – Что же их связывает – только беременность?

– А вам мало? – удивилась Алла.

– Две – жертвы криминального аборта, а номер пять – вообще под колеса угодила! Может, несчастный случай?

– Свидетели утверждают, что девушку толкнули намеренно.

– Да ладно, – махнул рукой Антон, – могло и показаться!

– Точно, – поддакнул Дамир. – Когда такое происходит на твоих глазах, еще и не то примерещится!

– То есть забудем о том, что Юлия Иродова, помимо колоссальной потери крови, вызванной неудачно проведенной операцией, получила трещину в черепе, возникшую не в результате падения?

– А вы, значит, Алла Гурьевна, считаете, что какой-то псих убивает беременных? – спросил Саня. Он ни разу не участвовал в деле о маньяках, но всегда мечтал поймать какого-нибудь такого изверга.

– Может, и псих, – задумчиво ответила Алла. – Но вряд ли.

– Почему?

– Маньяки редко пользуются разными средствами, убивая своих жертв.

– А если он начинающий? – подкинул идейку Дамир. – Проба пера, так сказать?

– Не исключено, – согласилась Алла. – Ни одна из жертв не была изнасилована – то есть убийства носят не сексуальный характер.

– А что, если ритуальный? – выдвинул версию Саня.

– Ты о сатанистах? – нахмурился Дамир. – Недостаточно антуража!

– Согласна, – подхватила Алла. – Да и способ избавления от тел в этом случае должен быть одинаковым, но ничего подобного не наблюдается. Сомневаюсь, что в Питере орудует банда сатанистов, убивающих беременных женщин! Кошек, собак несчастных – бывает, каких только выроdkов не порождает земля-матушка, но такое... Нет, все должно быть гораздо проще. И прозаичнее. Какой самый распространенный мотив убийств, Александр?

– Корысть?

– Как говорится, ищи, кому выгодно!

– Не все убивают из-за бабок, – возразил Антон.

– А кто говорит о деньгах? Корысть бывает разной. Я запросила генетическую экспертизу плодов, – сообщила Алла.

– Вы считаете, отцом мог быть один и тот же человек? – выпучил глаза Шеин.

– Чем черт не шутит? Пока единственным, что объединяет наших жертв, остается беременность, но я уверена, есть и другие факторы. Больше всего меня смущает жертва, истекшая кровью на скамейке, – она выбивается из общего «контекста»!

– Да это вообще не убийство! – воскликнул Белкин.

– Не согласна с вами, Александр! – возразила Алла. – Женщина умерла от кровопотери, возникшей в результате коряво сделанного аборта. Если бы она сама пыталась избавиться от ребенка, то не оказалась бы на улице, да еще в такое время, когда ей не смогли бы оказать помощь. Получается, она пала жертвой какого-то мясника, гордо именующего себя медиком. Он не мог не

видеть проблему и все же выставил пациентку за дверь вместо того, чтобы вызвать «Скорую». Это – самое настоящее убийство!

– Или по меньшей мере оставление в опасности лица, находящегося в заведомо беспомощном состоянии, – закивал Шеин. – Тоже – статья!

– Так что ищите связи жертв, коллеги, а также связи между жертвами, – сказала Алла. – Мы непременно приблизимся к разгадке, когда досконально изучим образ жизни и окружение погибших женщин! Вы, Антон, займитесь первой жертвой... вернее, той, кого мы считаем первой, Маргаритой Арутюнян. Дамир, на вас Антонина Гуревич и сегодняшняя неизвестная из леса – нужно установить личность. Юлия Иродова – дочь телеведущей, поэтому Дед... то есть Кириенко просил меня взять ее на себя. И Четыркину я тоже возьму, – добавила она.

– А мне что делать? – обиженно спросил Белкин, решив, что остался за бортом.

– Вы, Александр, как самый талантливый хакер, ползаете по соцсетям и покопаетесь в личной жизни погибших. Ищите все, что может их связывать, а также намек на то, кто мог их убить. Мужья, бойфренды, друзья – все как обычно.

– Делается, Алла Гурьевна! – без особого энтузиазма кивнул Саня. Он бы с гораздо большим удовольствием занялся беседами с родными погибших, но – с начальством не спорят.

* * *

Организация «Дочки-матери» располагалась на первом этаже двенадцатиэтажного здания. Вывески Мономах не обнаружил, пришлось спросить у сидящих на лавочке пожилых дам.

– Да есть вывеска, есть, – проворчала одна из них в ответ на его вопрос. – Под арку вон надо пройти... Беспокойство одно от этих «Дочек-матерей», честное слово, – лучше бы магазин открыли или почту, а то до ближайшей, понимаешь, три остановки пилить на общественном транспорте!

– Не правы вы, Анна Макаровна, – нахмурилась соседка по лавочке. – Им тоже, бедным, надо куда-то деваться!

– Бедным, как же! – возразила Анна Макаровна. – Да им каждую неделю грузовиками всякую всячину привозят – и одежду, и белье постельное, и еду... И все шастают, туда-сюда, туда-сюда!

– Простите, а почему вы говорите, что от них беспокойство? – поинтересовался Мономах, о присутствии которого пожилые соседки в пылу дебатов почти забыли.

– Говорю же – шастают! Мужики постоянно ходят, орут под окнами, проститутки своих вызывают...

– Господи, что вы такое говорите! – возмутилась ее приятельница. – Эти несчастные женщины – жертвы домашнего насилия!

– Ага, насилия! – скривилась Анна Макаровна. – Совокупляются, как крольчихи, а потом кричат «караул!».

Дальше слушать этот обмен мнениями не имело смысла, и Мономах двинулся прочь. Он зашел под арку и увидел на двери табличку: «Дочки-матери». Неожиданно ему в голову пришла странная мысль – почему именно «дочки»? Здесь что, не принимают женщин с сыновьями? Чуть ниже значилось: «Благотворительный центр помощи женщинам». На металлической двери висело переговорное устройство. Дернув за ручку, Мономах убедился в том, что она закрыта. Что ж, разумно: если сюда действительно приходят мужья и бойфренды жертв насилия, не стоит пренебрегать правилами безопасности. От его взгляда не ускользнула прикрепленная под козырьком камера видеонаблюдения.

Мономах надавил на кнопку звонка. Через короткое время дверь распахнулась, и на пороге нарисовался высоченный мужчина пенсионного возраста, телосложением напоминающий борца сумо. Несмотря на видимую грузность чербер, у Мономаха сложилось впечатление, что он без труда скрутит любого злоумышленника одной рукой, внушительной, как клешня экскаватора.

– Чего надо? – недружелюбно поинтересовался мужчина.

– Начальство ваше надо, – ответил Мономах. – На месте оно?

– «Оно» всегда на месте, – пробурчал охранник несколько более миролюбиво. Видимо, он ожидал услышать, что незнакомцу требуется кто-то из постояльцев «отеля», и уже приготовился дать ему жесткий отпор. – Паспорт имеется?

К счастью, Мономах привык носить при себе документы, зная, как тяжело бывает опознать людей, если вдруг произойдет несчастный случай, и какие в связи с этим возникают проблемы. Охранник внимательно изучил паспорт и, удовлетворенно крикнув, вернул его владельцу.

– Кабинет директрисы прямо по коридору, – процедил он. – Не промахнетесь!

Под бдительным оком великана Мономах миновал пост охраны и проследовал туда, куда ему указали. По пути ему встретилась стайка молодых женщин в цветастых халатах. Их подозрительные взгляды давали понять, что представители противоположного пола не были здесь желанными гостями, а скорее воспринимались как угроза. Постучав в дверь с надписью «Директор», Мономах получил приглашение войти. Из-за стола ему навстречу поднялась немолодая женщина среднего роста, с короткой стрижкой на плохо покрашенных волосах.

– Здравствуйте, – проговорила она звучным голосом. – Чем могу помочь?

– А вы...

– Елена. Можно просто по имени.

– Тогда я – просто Влад. Скажите, Елена, это же ваша визитка? – Он протянул ей карточку, полученную от квартирной хозяйки.

– Да, нашего центра, – подтвердила директриса. – Где вы это взяли?

– У Яны Четыркиной. Помните такую?

– Яночку-то? Ну слава богу!

– Простите?

– Она пропала, и я не могу дозвониться... Значит, все в порядке, раз Яна дала вам нашу визитку!

– Когда вы видели ее в последний раз?

– В последний... что-то случилось?

– С чего вы взяли?

– Просто когда задают такой вопрос, ничего хорошего не жди. Так все-таки...

– Вы правы, случилось. Яна умерла.

– Он... он ее нашел?

– Он?

– Отчего она умерла?

– Ее сбила машина.

– Боже мой, боже мой... – женщина прикрыла рот ладонью. – Бедная девочка! Несчастный случай?

– Скорее всего. Елена, почему вы сказали «он ее нашел»? Кто такой «он»?

– Ее парень. Вернее, бывший парень, Денис... Влад, почему вы интересуетесь Яной, ведь вы, насколько я понимаю, ей не родственник?

Мономах в двух словах объяснил ситуацию.

– Надо же! – недоверчиво покачала головой директриса. – Получается, вы совсем ее не знали?

– Выходит, так.

– Тогда зачем пришли?

– Мне не дает покоя вопрос, зачем Яна приходила ко мне в день своей гибели. Может, хотела воспользоваться моей помощью?

– Вы гинеколог?

– Нет, но я...

По понятным причинам Мономаху не хотелось рассказывать о подозрениях Мартынюка в отношении его персоны. Он и сам терялся в догадках, зачем Яна приходила: если она получила помощь в центре, с какой стати ей обращаться к человеку, которого она видела всего однажды?

Елена внимательно смотрела на Мономаха, но ему показалось, что она не ожидает объяснений. Казалось, она ищет что-то в его лице – возможно, пытается понять, не врет ли он.

– Ну ладно, – вздохнула Елена, отводя взгляд. – Как считаете, нам ждать визита полиции?

– Вполне вероятно, – ответил Мономах.

– Думаете, смерть Яны не была случайной?

– Вы мне скажите, Елена. Почему вы сразу подумали о ее бывшем парне?

– Потому что он настоящий изверг! Денис бил Яну смертным боем, и когда она наконец решилась уйти, продолжал преследовать!

– Он так над ней издевался, но она все же решила оставить ребенка?

– Да, мне это тоже показалось странным. Ребенок навсегда связывает женщину с его отцом, это пожизненное бремя.

– Как думаете, почему Яна аборт не сделала?

– И хорошо, что не сделала, – мы пытаемся убедить наших девочек оставить детей, ведь это такое счастье! В нашу задачу входит обеспечить регулярные осмотры, помочь родить и впоследствии найти работу и жилье.

– Так вот чем вы здесь занимаетесь!

– И еще пытаемся оградить девочек от нападок их мужчин.

– Они скрываются здесь от бывших?

– Вы не представляете, сколько женщин находится в по-настоящему ужасном положении! У них нет собственного жилья, нет работы, родственников, которые могли бы поддержать в трудной ситуации. Они напуганы и частенько обдумывают возможность оставления ребенка в роддоме. Мы пытаемся дать им надежду, понимаете? И оградить от нелюдей вроде Дениса. Господи, какое горе! – Елена на мгновение прикрыла глаза, пытаясь справиться с охватившим ее отчаянием. Мономах подождал пару минут, а потом спросил:

– Елена, вы так и не ответили, как давно видели Яну в последний раз.

– Три дня назад. Она ушла утром.

– Она работала?

– Насколько я знаю, нет.

– Тогда куда она могла пойти?

– Она жила за городом, кажется, в Красном Селе... хотя, признаться, точно не вспомню.

– В Красном Селе? – удивился Мономах. – Яна ведь квартиру снимала в Питере?

– Квартиру? – изумленно переспросила Елена. – На какие деньги? Центр ее обеспечил постельным бельем, кое-какой одеждой, предметами гигиены – она из дому сбежала, в чем была!

– Интересно, – пробормотал Мономах. – То есть она сказала вам, что живет в Красном Селе, ни словом не обмолвившись о съемном жилье?

Директриса кивнула. Мономах задумался. Что, если Денис разыскал Яну, и ей пришлось срочно сниматься с места и искать другое убежище – здесь, в центре? Но откуда деньги на съемное жилье? Елена сказала, что Яна не работала. Может, кто-то помог? Если у Яны есть близкие, почему она не обратилась к ним, а отправилась в «Дочки-матери»?

Когда Мономах шел по длинному коридору к выходу, из одной из дверей выскочила молодая девушка в махровом халате, под которым явственно проступал живот. «Месяц восьмой», – промелькнуло у Мономаха в голове. Он не успел затормозить, и беременная налетела на него, покачнулась, и он инстинктивно подставил руки, чтобы не позволить незнакомке упасть.

– Простите! – пробормотала она. – Я вас не заметила!

– Все в порядке, – успокоил он девушку. – Вам следует быть осторожнее: падение может плохо закончиться для вас обоих, – он кивнул на ее живот.

– Галя, ты чего там? – раздался грозный окрик, и Мономах увидел, что к ним быстрым, насколько позволял внушительный вес, шагом направляется охранник.

– Все нормально, – сказал Мономах. – Чуть не столкнулись!

Выражение лица охранника не сулило ничего хорошего, и Галя, извинившись еще раз, снова скрылась за дверью. Что за казарменные порядки в центре? Или здесь в каждом представителе противоположного пола видят потенциальную угрозу? Галя не выглядела напуганной, налетев на Мономаха... И, похоже, охранника она испугалась гораздо больше.

* * *

– Не понимаю, чего вы от меня хотите! – проговорил высокий, мощный мужчина, впустивший Дамира в квартиру. От него исходил стойкий запах перегара. – Меня уже допрашивали. Другой парень приходил, задавал вопросы. Что толку? Тоня умерла. Почему она не пошла в больницу?

В кухне, куда провел Дамира Иван Гуревич, царил бардак. На полу и на подоконнике стояли пустые бутылки из-под водки и виски, на столе – тарелки с объедками и колбасной кожурой. Что ж, вдовец справляет поминки по безвременно умершей жене – дело житейское.

– Иван, вы знали, что Антонина была беременна? – спросил Дамир. – На четвертом месяце.

– Мне так сказали, – буркнул тот. – Только не могла она быть на четвертом, это вы что-то путаете!

– Ваша жена умерла от кровотечения, открывшегося после неудачного аборта. Установлено, что...

– Это невозможно! – категорично мотнул головой вдовец. – Зачем вы врете?

– Вру? – изумился Дамир.

– Тоня не могла быть на четвертом месяце, потому что я отсутствовал почти полгода и вернулся, когда мне позвонили... ну, кто-то из ваших, одним словом. Сказали, что она умерла.

– Вернулись? – снова переспросил опер, чувствуя себя идиотом из-за того, что постоянно повторяет последние слова Гуревича.

– С вахты вернулся, – раздраженно пояснил тот. – А вы что подумали?

Ну да, честно говоря, подумал Дамир немного не о том: на его языке «вернулся» означало «откинулся с зоны», но те, кто там побывал, обычно так и говорили.

– Где вы работаете? – поинтересовался он.

– Нефтяник я, на платформе работаю. ООО «Каспийская энергия». Вахта длится от трех до шести месяцев. Сами видите, Тоня не могла находиться на четвертом месяце!

Что же, ему не сказали? Выходит, женка изменяла супругу, трудившемуся в поте лица на своей платформе, света белого не видя? Не от духа же святого она залетела! И, несмотря на тяжелое похмелье, Гуревич, видимо, тоже начал это осознавать. Его большое лицо постепенно наливалось кровью, огромные кулаки сжимались. Дамир с опаской оценил свои физические возможности: они были несравнимы с возможностями вероятного противника, поэтому требовалось срочно замять дело.

– Видите ли, это пока не точно, – быстро заговорил он. – Патологоанатом еще не дал окончательного заключения...

– Так чего вы мне голову морочите?! – взревел Иван, наступая на Дамира. – Тоня мне не изменяла, иначе я б знал!

– Откуда знали бы? – спросил опер и едва не прикусил язык – ну зачем он лезет в бутылку, спрашивается!

– Сеструха моя за Тоней присматривала, каждый божий день заходила. Если бы что не так было, она б мне рассказала! Шли бы вы отсюда, гражданин начальник... И тело мне выдайте, а то я даже похоронить жену не могу по-человечески!

Дамир вылетел из квартиры, как полуощипанный гусь из кастрюли с кипятком, радуясь тому, что остался невредим. Выходит, Гуревич подрядил сестрицу следить за благоверной? С другой стороны, когда проводишь вне дома долгие месяцы, можно ли всерьез рассчитывать на верность второй половины?

Переведя дух, Дамир достал сотовый и позвонил Белкину: пусть парнишка найдет ему адресок сестрицы Гуревича!

* * *

Антон разглядывал группу людей, собравшихся в доме Маргариты Арутюнян. Большая армянская семья – двадцать четыре человека! Учитывая, что тело все еще в морге и о его выдаче пока речи не идет, совершенно непонятно, что все они здесь делают. Антон позвонил родителям жертвы и предупредил о визите, но он не ожидал, что их «группа поддержки» окажется столь многочисленной!

– Почему вы снова пришли? – с подозрением спросил глава семейства, Самвел Арутюнян, невысокий полный мужчина с шикарной копной седых волос. – Разве не достаточно того, что уже было сказано предыдущему следователю?

– Во-первых, то был не следователь, а оперативный сотрудник, как и я сам, – как можно дружелюбнее пояснил Антон. – Во-вторых, раньше делом вашей дочери занимался районный отдел, а сейчас материалы передали нам, в Следственный комитет.

Шеин не собирался вдаваться в детали и рассказывать семейству, что эти самые материалы им приходится буквально выцарапывать: как только СМИ, неизвестно каким путем, пронюхали о серии смертей беременных женщин, каждый районный следок посчитал своим долгом раскрыть «дело о маньяке». В конце концов, Суркова получала документы, но из них подозрительным образом оказывались изъяты существенные сведения, которые, несомненно, присутствовали в первоначальном варианте. Коллеги не горели желанием облегчить комитетским жизнь!

– К сожалению, – продолжал Антон, – информация неполная, и я бы хотел кое-что прояснить, если вы не возражаете.

– Мои возражения могут что-то изменить?

Шеин благоразумно промолчал. Арутюнян глубоко вздохнул, обводя усталым взглядом настороженно притихших родичей.

– Что вы хотите знать? – спросил он наконец.

– Ваша дочь была беременна. Вы знали об этом?

Опасный вопрос: восточные люди трепетно относятся к подобным проблемам, и Антон об этом знал. Но не спросить он не мог, ведь этот факт имеет ключевое значение!

– Предыдущий... оперативник рассказал, – сквозь зубы процедил хозяин дома.

– То есть вы ничего не замечали?

– Нет, – отрезал отец и кинул гневный взгляд в сторону жены. – Маргарита... она предпочитала свободную одежду, да и виделись мы только по вечерам, когда я с работы приходил.

– Когда вы узнали, как к этому отнеслись?

– Ну, как... У Маргариты скоро свадьба должна была состояться. Вообще-то мы такое не поощряем, но она уже взрослая девочка... Была.

Когда Арутюнян с видимым трудом выговорил последнее слово, несколько присутствующих женщин, включая мать, начали всхлипывать. Антон испугался, что станет свидетелем коллективной истерики, однако он зря волновался: под тяжелыми взглядами мужчин дамы взяли себя в руки, ограничившись лишь хлюпаньем носов и вытиранием глаз кончиками платочков.

– Дети, конечно, поторопились, – монотонным голосом продолжал глава семейства, – но в этом ведь нет ничего противоестественного, все равно они скоро стали бы супругами! Но если бы я знал, настоял бы на том, чтобы перенести дату свадьбы на более ранний срок. Я ответил на ваш вопрос?

– Да, спасибо. А жених Маргариты, он... – Антон обвел взглядом находящихся в гостинной людей.

– Его здесь нет, – покачал головой Арутюнян. – Араик – почти член семьи, но парню и так нелегко!

– Вы же понимаете, что мне придется с ним поговорить?

– Зачем?

– Есть вещи, о которых родителям не рассказывают.

– Вы намекаете на то, что Араик...

– Я ни на что не намекаю, Самвел Арамаисович, – прервал главу семейства Антон. – Я лишь пытаюсь исключить тех, кто не имеет отношения к убийству. В интересах Араика, чтобы мы побеседовали как можно скорее, понимаете?

– Ладно, – проворчал Арутюнян, – вы же все равно его разыщете. Марта, – обратился он к женщине средних лет, нежно обнимавшей его жену за плечи, – позвони-ка Араику. Скажи, что ему нужно срочно подъехать.

– Нет-нет, не сюда! – вмешался Антон, боясь, что в кругу почти что родственников парень попытается что-то скрыть из желания никого не обидеть. Или, что также возможно, не подвергнуться коллективному остракизму. – Пусть он подъедет вот по этому адресу, – и он протянул свою визитку.

Арутюнян возражать не стал.

– Делай, как он говорит! – приказал он Марте, и та неслышно выскользнула из комнаты.

* * *

Прием закончился поздно, и Мономах, поднявшись из кресла, в котором просидел, не вставая, почти три часа, с наслаждением потянулся, разминая затекшие мышцы. Наступило время реализации квот, и наплыв пациентов был огромен. С одной стороны, хорошо – у всех будет много работы, а значит, и прибавки к зарплатам. В этот раз квоты сбросили пораньше, а не под самый Новый год, и это, опять же, отлично, ведь у отделения полно времени, чтобы принять большое количество больных. Тем не менее возникли проблемы. Желающих оперироваться оказалось столько, что Мономах боялся не справиться. Кроме того, он предвидел неприятности с заведующим отделением травматологии и ортопедии Тактаровым, душевным другом главного. Несомненно, Тактаров начнет ныть, что отделению Мономаха выделили больше квот и что часть операций вполне можно провести в травматологии. Мономах и

сам удивлялся такой щедрости со стороны Комитета по здравоохранению, но не собирався ее оспаривать и терять возможность дать своим врачам подзаработать: если уж представился шанс, надо хвататься за него обеими руками!

Он вытащил из шкафа пальто, распахнул дверь и застыл на пороге: из кресла в фойе навстречу ему поднялась мадам Суркова! Он узнал ее сразу и с первого взгляда понял, что в следователе что-то изменилось. Во-первых, она была одета не в траурный наряд своих любимых серо-коричневых тонов, а в симпатичный салатовый костюм, подчеркивающий аппетитные формы, но не выставляющий их напоказ. Во-вторых, ее лицо, красивое, несмотря на полноту, было умело накрашено. И, в-третьих, она улыбалась.

– Вы... выглядите иначе, – пробормотал Мономах вместо приветствия.

– Лучше или хуже? – не переставая улыбаться, поинтересовалась она.

– Гораздо лучше. Не пойму, что произошло!

– Я сбросила семь с половиной килограммов, – похвасталась следователь. – Следую вашим рекомендациям!

Однако Мономах понимал, что дело не в этом. Суркова изменилась не только внешне. Раньше в ней присутствовал какой-то надрыв, скрытая печаль. Теперь она прямо-таки источала уверенность. Что-то определенно случилось – может, влюбилась? Говорят, женщин любовь красит. А из мужчин она вытягивает жилы!

– Вы не на консультацию, надеюсь? – нахмурился он.

– Боже сохрани! Я специально дождалась окончания приема. Владимир Всеволодович, нам нужно серьезно поговорить. Вы можете уделить мне время?

– Заходите!

– Я предпочла бы не здесь. Как насчет кафе напротив?

– Вы на диете?

– И поэтому должна есть в определенные часы. Да и вы наверняка голодны!

Мономах и правда ощущал недвусмысленное посасывание под ложечкой: со времени его раннего завтрака прошло больше восьми часов.

– Ну, так что вы хотели мне сказать? – поинтересовался он, сделав заказ. Суркова не врал. Попросив у официанта кофе, она достала из сумки пластиковый контейнер с куриным салатом, прикрытым сверху кусочком цельнозернового хлеба. Мономах предчувствовал, о чем пойдет речь, и специально оттягивал этот момент. Значит, делом Яны Четыркиной занялся Следственный комитет! Чем беременная девчонка, терпящая побои от сожителя, могла их заинтересовать?

– Не делайте вид, что не понимаете, – ответила Суркова, перемешивая вилкой салат. – Я всегда была высокого мнения о ваших умственных способностях!

– Мне казалось, что Мартынюк – не ваш человек?

– Районный опер. Ему наше вмешательство не понравилось!

– Почему? – удивился Мономах. – Разве он не должен радоваться, что с него сняли груз?

– Дело может стать громким, а кому не хочется снять сливки?

– Мы об одном и том же деле говорим? Беременная девчушка попала под машину...

– Вы не все знаете, Владимир Всеволодович, – прервала Мономаха Алла. – Мартынюк считает вас главным подозреваемым по делу, но у меня есть основания не доверять его суждению по причине того, что у нас, похоже, серия.

– В смысле?

– Серийные убийства. Мартынюк с вами не знаком, но я-то понимаю, что подозревать вас глупо!

– Погодите, Алла Гурьевна, я правильно понимаю: вы говорите, что Яну убил маньяк?!

– Я имела в виду, что между жертвами прослеживается что-то общее и что это похоже на серию. Слово «маньяк» я даже не произнесла! И я хочу лично от вас услышать, что связывает вас с гражданкой Четыркиной.

В течение нескольких минут Мономах рассказывал следователю о кратком знакомстве с покойной, а также о том, как Мартынюк пытался подловить его на лжи. Суркова ни разу не перебила, не задала наводящих вопросов – судя по всему, его рассказ в целом не шел вразрез с тем, что она узнала у самого опера.

– А теперь, Владимир Всеволодович, рассказывайте то, что вы скрыли от Мартынюка! – потребовала Алла, когда он закончил.

– С чего вы взяли, что я что-то от него скрыл?

– Потому что за время общения с вами я успела понять, что вы похожи на матрешку: снимешь один слой, а там еще один; снимешь его – а там следующий... Давайте колитесь!

В этот момент к столику подошел официант, принесший винегрет и мясо на гриле для Мономаха. После того как он удалился, Алла устремила на собеседника испытующий взгляд, всем своим видом показывая, что ожидает ответа.

– Что ж, – начал Мономах, – я ничего не скрывал от Мартынюка, но я и в самом деле кое-что сделал. Я навестил квартирную хозяйку Яны.

– Что вы сделали?! – перебила Алла, выкатив глаза. – Вы – один из вероятных подозреваемых, и вы делаете ровно то, чего от вас ожидают – входите в контакт со свидетелями по делу? Вы соображаете, что творите?!

– Я не мог так все оставить! – попытался оправдаться Мономах. – Этот Мартынюк, он вцепился в меня как клещ, даже не дав себе труда разобраться в том, что произошло! Что мне было делать – прижать уши и ждать, пока меня загребут в СИЗО?!

– Ладно, – вздохнула Алла, – и что же вам поведала квартирная хозяйка?

– А, так вам интересно? Потому что Мартынюк и к ней приходил, только она не стала с ним делиться!

– А с вами поделилась?

– Она дала мне визитку некой организации под названием «Дочки-матери».

– Это что, приют для матерей-одиночек?

– Оказывается, Яна обратилась туда, так как ее избивал бывший парень, некий Денис Касатонов.

– Отлично! – обрадовалась Алла, вытаскивая блокнот и записывая имя. – Скажете мне адрес этих «Дочек-матерей»?

– Ну... видите ли, я уже туда ходил.

Алла едва не задыхнулась от возмущения, однако то, о чем говорил Князев, оказалось интересно и полезно, и обвинять его в чрезмерном любопытстве язык не поворачивался. Не говоря уже о том, что ему за короткое время удалось выяснить о Четыркиной больше, чем Мартынюку, и, возможно, даже больше, чем смогла бы выяснить она сама, размахивая удостоверением. Алла не раз убеждалась, что людям, не имеющим отношения к следственным органам, окружающие доверяют охотнее.

– Что вы узнали?

– Во-первых, у Яны дом в Красном Селе, но она зачем-то снимала квартиру в городе. Я предположил, что она скрывалась от Касатонова, потому-то и съехала со старого места жительства. Кстати, мы встретились в электричке: может, она ездила за вещами? В съемной квартире, по словам хозяйки, мало одежды и прочих мелочей, необходимых каждой женщине. Вполне вероятно, она уезжала в спешке, а потому не успела прихватить много.

– Так Яна, выходит, была состоятельной барышней? – удивленно пробормотала Алла.

– Какое там! – возразил Мономах. – По словам директрисы «Дочек», она была бедна как церковная мышь!

– А откуда деньги на съемное жилье?

– Меня это тоже заинтересовало. Как и директрису – у нее создалось впечатление, что Яна одна на всем белом свете!

– А как долго Яна находилась в приюте?

– Директриса говорит, около недели.

– Интересненько... То есть Четыркина жила в Красном Селе. Потом перебралась в Питер и сняла жилье, после чего обратилась в «Дочки-матери», производя впечатление сироты казанской?

– Знаете, – медленно проговорил Мономах, – мне не показалось, что Яна жировала или притворялась: в квартире не было излишеств и ее гардероб не отличался дороговизной и разнообразием.

– Да-с, задачка! – согласилась Алла. – А вы молодец, Владимир Всеволодович: вам удалось так много выяснить! Хочется отругать вас за самостоятельность, да не могу. Но не могу и не спросить, зачем вы это сделали? Вы говорите, что видели Яну всего однажды, и я вам верю. Тем не менее вы ведете себя как лицо заинтересованное. Почему вы чувствуете себя обязанным Четыркиной?

– Потому что не смог ей помочь, хоть и пытался. Как говорится, благими намерениями...

– Вы сделали больше, чем сделал бы любой другой человек, и не ваша вина, что жер... то есть Яна не приняла помощь. Или приняла, но в неудачный момент. Почему она не позвонила и не предупредила о своем приходе, ведь ваш телефон есть на визитке?

– Может, она действовала под влиянием момента? Не планировала приходить, просто так вышло...

– Вот именно – так уж вышло. Судьба! Или рок? Бедной девочке не повезло, но, если это не был несчастный случай (в чем, кстати, пока нет уверенности), ее убили не вы, а парень в капюшоне, которого описывают свидетели.

– Мартынюк дал понять, что алиби у меня нет, – хмыкнул Мономах.

– Как и мотива, – парировала Алла. – Знаете, какие три составляющих вкуче являются доказательством вины в суде?

Мономах покачал головой.

– Мотив, возможность и средство преступления. Допустим, у вас имелась возможность: вы ушли с рабочего места и никто не знает, чем занимались после этого. Ваша машина в ремонте, поэтому вы не оставляли ее на стоянке и не попали в поле зрения камеры. Значит, чисто теоретически вы могли оказаться в означенное время рядом с местом преступления – ну или пока что происшествия.

– Это обнадеживает!

– Средство преступления – вы сами, ведь, по показаниям очевидцев, Четыркину толкнули под проезжающий автомобиль. Что, повторюсь, требуется еще доказать! Но вот с мотивом проблемка, Владимир Всеволодович, ведь у вас не было причин убивать потерпевшую! Вы не являлись ее лечащим врачом, близким другом, родственником или даже соседом. Вы ничегошеньки о ней не знали, пока не увидели ее труп в прозекторской. Даже без моего вмешательства дело против вас рассыпалось бы еще до того, как попало в суд... Пообещайте мне кое-что, ладно?

– Что пообещать?

– Что больше не станете действовать самостоятельно. Если, как я предполагаю, жертв что-то связывает, то мы имеем дело либо с одним серийным убийцей, либо даже с целой преступной группой. В таком случае любой, кто окажется у преступников на пути, рискует жизнью. У меня есть предчувствие, что вы не

успокойтесь, но я настоятельно прошу сообщать мне обо всем, что узнаете, и предупреждать о своих планах. Действовать в одиночку неразумно!

– Хорошо, – согласился Мономах. – Обещаю, что позвоню, если решу что-то предпринять.

– До этого, а не после, да?

– Договорились. Знаете, я рад, что дело вам поручили: теперь есть надежда, что все наконец выяснится!

* * *

Алла отправилась к матери погибшей Юлии Иродовой сразу после визита к Князеву. Анна Иродова, известная телезвезда, которой, собственно, Алла и была обязана получением дела, работала, несмотря на то, что произошло. Предварительно созвонившись с ней, Алла выяснила, что у телеведущей по плану вечерний прямой эфир, и договорилась о встрече. Ведущая согласилась встретиться после передачи, и Алла, несмотря на сгущающиеся сумерки, решила погулять минут сорок в ожидании окончания программы. Честно говоря, гулять на улице Чапыгина практически негде: малюсенький скверик находится в нескольких сотнях метров от полукруглого здания телецентра, а бродить по темным улицам, в дневное время выглядевшим вполне безобидно, как-то не хотелось. Поэтому Алла дошла до скверика и принялась мерить его шагами взад-вперед. Диетолог утверждает, что без физической нагрузки потеря веса недостаточно эффективна, но Алла никогда не была спортивной девушкой, предпочитая гимнастическому залу хорошую книжку или интересную передачу по телику. Тем не менее диетолог не сдается, и Алла начала задумываться о приобретении абонеента в бассейн. Плавание казалось ей наименьшим из всех спортивных зол и, раз уж не было возможности избежать упражнений, пусть они будут в приятной, теплой водичке! Пока вопрос не был решен, Алла старалась как можно больше ходить пешком, причем быстро, так как медленная ходьба, по словам все того же диетолога, отнюдь не способствует похуданию.

Порядком замерзнув в легкой куртке и ловя на себе подозрительные взгляды хозяев собачек, выгуливавших питомцев в крошечном скверике, Алла взглянула на часы и убедилась, что можно выдвигаться. На проходной она назвала свое имя и получила разрешение войти, так как Иродова предупредила охранника о

приходе посетительницы. Телеведущая вышла из студии через десять минут после того, как Алла примостилась на стуле в коридоре. Поднявшись ей навстречу, Алла отметила, что Анна, оказывается, невысокая, худенькая, почти полупрозрачная женщина. Иродова выглядела моложе своих лет («Гугл» сообщал, что ей сорок три). Под слоем профессионального макияжа лицо выглядело неподвижным, что не позволяло обнаружить следы слез и переживаний.

– Добрый вечер, – ровным голосом произнесла Иродова, протягивая Алле руку. – Значит, дело поручили вам?

– Мы можем поговорить в кабинете?

– Разумеется, не в коридоре! Следуйте за мной.

Офис телеведущей выглядел по-спартански – ничего лишнего, только самое необходимое. Это, по мнению Аллы, говорило в ее пользу, ведь в чересчур комфортабельном помещении невозможно создать рабочую обстановку. Усевшись на стул с высокой спинкой, Анна указала гостю на короткий диван.

– Итак, вы хотели поговорить о моей дочери, – ровным, лишенным эмоций голосом начала она. – Меня уже опрашивали, но, судя по тому, какие вопросы задавали, я пришла к выводу, что дело замотают. Меня это, как вы понимаете, не устраивает!

– Поэтому вы напрягли связи?

– Точно. Знаете... – она устремила вопросительный взгляд на собеседницу.

– Алла Гурьевна, – подсказала Алла.

– Так вот, Алла Гурьевна, за свою жизнь и довольно долгую карьеру я пришла к выводу, что ничего нельзя оставлять на волю случая. Если сидеть на пятой точке и ничего не делать в ожидании, что кто-то честно выполнит свою работу, можно так сидеть до второго пришествия! Мне жаль, если вы недоволь...

– Кто сказал, что я недовольна? – прервала женщину Алла. – На вашем месте я поступила бы так же!

Взгляд Иродовой слегка потеплел.

– Надеюсь, с вами мы найдем общий язык, – кивнула телеведущая. – Оперативники спрашивали меня о том, встречалась ли Юля с мальчиками.

– Я читала дело, – кивнула Алла. – Вашей дочери было шестнадцать, и, однако, она оказалась беременна!

– Для меня это стало ударом! Моя девочка, она не была... она не из таких, понимаете? Не из ранних. Ее интересовала только учеба, как и положено в ее возрасте. Конечно, она дружила с мальчишками, но не было ни одного особенного, к кому она испытывала бы склонность.

– А как насчет более взрослых поклонников?

– Да вы что, у Юли не было времени с кем-либо знакомиться! Репетиторы, музыкалка три раза в неделю, ораторский клуб, бассейн... Нет, это совершенно невозможно!

– А как насчет учителей-мужчин?

Анна нахмурилась.

– Думаете, я не перебирала в уме всех, кто близко общался с Юлей? – спросила она. – Но никто не подходит! Преподавателю сольфеджио далеко за пятьдесят, и он вряд ли прельстил бы мою дочь.

«А вот и не факт! – промелькнуло в голове у Аллы. – Молодая, романтически настроенная девочка при его умелом ухаживании и хорошо подвешенном языке вполне способна плениться заурядным поклонником, гораздо старше и не особенно привлекательным!»

– Есть еще руководитель ораторского клуба. Он молод, но мне кажется, он «голубой».

– Вам кажется?

– Он определенно «голубой»! Кроме того, неужели вы полагаете, что, появившись у Юли ухажер, я бы не заметила?

– Ну, вы занятая женщина, Анна Трофимовна, – заметила Алла. – Пропадаете на работе целыми днями...

– И поэтому я плохая мать?

– Я лишь имела в виду, что Юля могла легко скрыть наличие поклонника, видя вас только поздно вечером или в выходные.

Иродова помолчала несколько минут.

– Да мы и в выходные почти не встречались, – пробормотала она едва слышно. – Я каждый раз давала себе слово, что вот закончу очередной проект, и мы поедем куда-нибудь только вдвоем, проведем время вместе, поговорим обо всем... Нет, вы правы, и я плохая мать! Если бы я была хорошей, Юля ведь пришла бы ко мне со своей бедой, да?

Алла думала именно так, но у нее не было детей. Могли бы быть. Как минимум один, но несколько лет назад она сделала неправильный выбор, пожертвовав беременностью ради мужчины. Сколько же раз она жалела о своем малодушии! Но, как следователь и человек, неплохо разбирающийся в психологии, Алла понимала, что доверительные отношения с родителями бывают далеко не у всех. Да и они не являются гарантией того, что у детей нет секретов от матери или отца! Подростки частенько лгут и изворачиваются – к примеру, предвидя слишком бурную реакцию со стороны предков или же просто не желая их расстраивать.

– Большинство родителей проводят с детьми недостаточно времени, – произнесла она вслух. – Есть вещи, которые происходят помимо нашей воли. Нам кажется, что мы полностью контролируем свою судьбу, но это не так!

– Если бы Юля пришла ко мне, я не стала бы на нее кричать, не стала бы ругать, – качая головой, сказала телеведущая. – Я бы нашла ей самого лучшего

врача, и уже через неделю дочка не вспомнила бы о том, что случилось! А мою девочку разрезал какой-то мясник, и она истекла кровью. Господи, как она, должно быть, мучилась!

Вопреки ожиданиям, Иродова не заплакала, но Алла видела, что женщина с трудом справляется с эмоциями.

– Анна Трофимовна, Юля не мучилась. Пришел отчет патологоанатома: она умерла не от кровотечения.

– Нет?

– От удара по голове. – Алла решила не уточнять, что ударов было несколько, чтобы не усугублять горе матери. – В предварительном отчете была указана другая причина, но, судя по всему, смерть наступила мгновенно.

– Господи, так это же убийство! – воскликнула Иродова. – Преднамеренное убийство!

– Вы правы.

– Значит, им мало было ее... зарезать, они еще и голову ей разбили?!

– Вполне вероятно, Юлю убил другой человек.

– Мне сказали, у нее при себе не оказалось ни телефона, ни денег?

– Верно.

– Ее ограбили, выходит?

– Или она, по какой-то причине, не взяла вещи с собой.

– Да вы что, Юля со своим смартфоном не расставалась! Мы даже ругались из-за этого, потому что она постоянно отправляла и пересылала друзьям какие-то фотки, тексты бесконечные...

– В любом случае пока рано говорить. Опера, занимавшиеся делом Юли, сделали поквартирный обход подъезда, но, судя по их записям, никто ничего не видел и не слышал.

– Ну да, как обычно! – фыркнула Анна. Алле показалось, что она даже как-то воспрянула духом, узнав о том, что ее дочь была убита. По крайней мере, это имело хоть какой-то смысл – возможно, ограбление. Надо будет снова пробежаться по квартирам, хотя, разумеется, спустя время выбить из людей правду о том дне будет сложнее!

– Анна Трофимовна, – сказала Алла, – я прошу вас дать мне контакты учителей-мужчин вашей дочери.

– Вы все-таки считаете...

– Как вы правильно заметили, это – дело об убийстве, а значит, все под подозрением.

– Вы будете искать врача, который...

– Само собой, но я бы на вашем месте не рассчитывала на суровое наказание для такого специалиста: в конце концов, Юля погибла не от кровопотери.

– Но она бы не оказалась в том подъезде, если бы не истекала кровью! – возразила Иродова.

– Доказать такую причинно-следственную связь почти невозможно, особенно при наличии хорошего адвоката. Мне очень жаль, Анна Трофимовна. В любом случае мы постараемся отыскать тех, из-за кого произошла трагедия, а дальше... Что ж, дальше предоставим действовать закону.

* * *

Мономах собирался свято блюсти слово, данное Сурковой: он решил забыть о деле Четыркиной и позволить спецам заниматься своими непосредственными обязанностями. В конце концов, он сделал что мог, и благодаря добытым им сведениям у следачки появились хоть какие-то отправные точки! Однако

Мономах почему-то не ощущал облегчения. До тех пор пока не поговорил с Сурковой, он считал, что пытается выяснить причину, по которой погибла всего одна девушка. Теперь же выходит, что Яна не единственная. Неужели в городе орудует маньяк?

Трель мобильного вывела Мономаха из состояния задумчивости.

– Слушаю! – резко сказал он в трубку.

– Владимир? – услышал он низкий, густой голос, который сразу узнал.

– Азат Гошгарович? – уточнил он, хотя ни секунды не сомневался в том, с кем говорит.

Азат Гошгарович Кайсаров приходился отцом Алсу, у которой с Мономахом был бурный, но короткий роман. Девушка оказалась убийцей, «ангелом смерти»[2 - Диагноз, не признаваемый психиатрическим сообществом России.].

Положившись на слово Кайсарова, пообещавшего изолировать Алсу от пациентов и поместить в клинику, Мономах не стал сообщать о своих выводах Сурковой, которая вела дело. Он подозревал, что она считает его поступок неправильным, но сам Мономах был с ней не согласен. Он полагал, что Кайсаров в любом случае отмазал бы дочку от суда, поэтому Мономах, по сути, выбрал наименьшее из двух зол. Кроме того, он не являлся работником правоохранительных органов, в его задачу не входило задержание преступников, и даже Суркова это понимала[3 - Подробнее читайте об этом в романе И. Градовой «Предложение, от которого не отказываются»]. После отъезда, а скорее, бегства Алсу Мономах не общался с ее отцом. Однако он подозревал, что вал квот, которые он получал в последнее время, направляет чья-то властная рука. Возможно, рука Кайсарова, занимающего высокий пост в Комитете по здравоохранению. Что же ему нужно – ждет благодарности?

– Вы еще на работе? – поинтересовался Кайсаров.

– Да, – ответил Мономах. – Что-то случилось?

– Это не телефонный разговор. Жду вас в баре напротив больницы!

Слова Кайсарова не предвещали ничего приятного. Однажды он предупредил Мономаха о написанной на него жалобе и сделал так, чтобы документ затерялся в ворохе прочих бумаг, поступающих в Комитет. Он также намекнул, что в его, Мономаха, отделении завелся «крот», который сливает информацию главврачу, Муратову. Как и завтравматологией Тактаров, он спит и видит, как бы убрать Мономаха из больницы, но пока у него ничего не выходит. Специализированное отделение ТОН – одно из самых популярных в больнице, и за годы работы Мономаху удалось сколотить отличный коллектив профессионалов. Такое положение вещей многим не дает покоя – в том числе и Муратову, считающему несговорчивого и упрямого заведующего ТОНом соперником и даже противником. Как и большинству посредственных руководителей, ему не нужны пользующиеся авторитетом подчиненные с собственным мнением и твердыми убеждениями.

Часы на стене бара показывали половину шестого, и в это время народу было еще мало. За стойкой сидели две девицы, оценивающими взглядами сканирующие присутствующих. Вошедший Мономах привлек их внимание, но ненадолго, так как он сразу двинулся в глубь зала, заметив поднятую ладонь Кайсарова, разместившегося за дальним столиком. Тучный мужчина чуть приподнялся, чтобы пожать ему руку.

– Я заказал коньяк, – сказал он.

– Все правильно, Азат Гошгарович, – кивнул Мономах, усаживаясь напротив. – Что заставило вас приехать – с Алсу что-нибудь?

– Слава богу, с ней все в порядке, – слегка улыбнулся тот. – Она в клинике. Условия отличные, мы с матерью недавно ее навещали. Она вас вспоминает.

– Я тоже.

Мономах не лгал. Он не был влюблен в Алсу, но она была мила, хороша в постели и так молода!

– На самом деле я посещал вашего главного, – продолжал Кайсаров.

– Из-за того, что произошло на днях в приемном отделении?

В понедельник случился скандал с летальным исходом, и СМИ подхватили новость, обсасывая ее в прессе и по телевидению. Под утро в приемное отделение поступил мужчина с черепно-мозговой травмой, полученной в результате массовой драки. Он пришел своими ногами, поддерживаемый двумя приятелями, которые ретировались, оставив друга в больнице – как им казалось, под присмотром медиков. Однако пациент начал дебоширить, и медсестры попросту разбежались, не желая иметь дело с подобным типом. Возможно, неадекватное поведение было вызвано травмой, однако разбираться не стали, предоставив больного самому себе. Дежурный врач, правая рука Тактарова Антон Миронов, приказал санитару утихомирить буяна и удалился к себе в отделение. Санитар подумал, что возиться с мужиком – себе дороже, так как подмоги не предвиделось, и решил подождать, пока тот сам угомонится. Не получив медицинской помощи, пациент попытался самостоятельно подняться по лестнице на второй этаж, но не удержался и скатился по ней, несколько раз ударившись головой о ступени, что в красках зафиксировала камера наблюдения. Даже после этого, хотя больной уже был полностью обездвижен и безопасен для окружающих, к нему никто из медперсонала не подошел. Через час он умер от кровоизлияния в мозг.

Кайсаров кивнул, подтверждая догадку Мономаха.

– Неужели ваш главный полагал, что этот инцидент останется без нашего внимания? – задал он риторический вопрос. – Пусть скажет спасибо, что этим не занялся Отдел медицинских расследований, а то и резонанс был бы больше, и нарушений, думаю, нашли бы попутно немерено!

– И как же вам удалось отстранить ОМР? – поинтересовался Мономах.

– Угадайте! – буркнул чиновник.

Мономах догадывался, что, так как ОМР не подчинялся Комитету, а находился в ведении губернатора, начальство поостереглось подпускать его к делу, опасаясь последствий того, что он мог раскопать. Муратов не просто так стал главврачом. Наверняка у него есть мощная лапа в Комитете, а то и в министерстве. Иначе бы Муратову могли грозить серьезные неприятности вплоть до снятия с должности, а он что-то не выглядит озабоченным!

– Азат Гошгарович, – начал Мономах, – если вы вызвали меня, чтобы узнать подробности...

– Да нет, это вы предположили, что дело в вашем небольшом, э-э... происшествии. Такое, знаете ли, сплошь и рядом происходит – человеческий фактор, что поделаешь? Но разбираться надо. А я вас пригласил по другому поводу. Вы в курсе, что Муратов хочет убрать вас из больницы?

– Ну, это не новость – он постоянно строит планы на мой счет, но пока у него ничего не выходит!

– А если я скажу, что его новый хитроумный план вполне себе осуществим?

– Вы о чем? – нахмурился Мономах.

– Значит, вы еще не слышали... Есть мнение, что отделение ТОН следует расформировать.

– То есть?

– В вашей больнице есть отделение травматологии и ортопедии, а также отделение хирургии позвоночника – кое-кто в Комитете считает, что этого более чем достаточно.

– Кое-кто?

– Ну, есть такое мнение.

– Мы в ТОНе занимаемся вещами, которые не делают ни в травматологии, ни в хирургии позвоночника! Ни одно отделение, к примеру, не может обеспечить такое консервативное лечение, как у нас, а операции, проводимые в ТОНе...

– Да я-то в курсе, Владимир! – перебил Мономаха Кайсаров. – Я на вашей стороне. Но вы должны понимать, что и у Муратова есть свои люди в Комитете, и они станут отстаивать его точку зрения. Не ваш главный это придумал: необходимо сократить расходы, как обычно, и нужно уволить людей. О младшем и среднем медперсонале речи не идет – их и так не хватает. Остается

вспомогательный, то бишь технический, персонал и врачи.

– Мои врачи!

– А вот это – уже муратовское решение. Я знаю, что ваши ребята лучшие в городе. Пациенты голосуют ногами, как говорится: к вам запись на годы вперед, все хотят делать операции у вас, просят квоты перераспределить, чтобы вам больше досталось. Что могу, я делаю, но я не всемогущ.

– Я понимаю, что мне вас нужно благодарить за квоты, – прервал Кайсарова Мономах. – У нас никогда столько их не было!

– Это самое малое, что я могу сделать. Если бы Муратов был на вашей стороне или по крайней мере на стороне больницы и пациентов, он обошелся бы малой кровью, убрав часть ординаторов и врачей пенсионного возраста. Кроме того, я подозреваю, что сокращение премий некоторым заведующим отделениями, а также главврачу могло бы значительно улучшить финансовую ситуацию и предотвратить ненужные увольнения. Но мы имеем дело именно с тем человеком, с которым имеем, а потому должны ожидать худшего.

– Муратов действительно может это сделать? – спросил Мономах, впервые ощутив настоящее беспокойство. – Сократить целое отделение?

– Я все кумекал, стоит ли вас предупреждать, Владимир, – не отвечая на вопрос, продолжил Кайсаров. – Однако кто предупрежден, тот вооружен, верно? Вы не можете повлиять на ситуацию, но по меньшей мере будете понимать, что происходит вокруг. И еще: вам сейчас нужно вести себя предельно осторожно, не давать ни малейшего повода для придирок и взысканий. А вот Муратов... То, что случилось в приемном отделении, доставит вашему главному кое-какие неприятности, и эффект можно усилить при желании. Если мне удастся накопать что-то на Муратова, я могу вернуть в игру ОМР, и для этого мне необходимо знать из первых рук, что делается в вашем учреждении.

* * *

Выходя из бара, Мономах поплотнее запахнул пальто: дул пронизывающий ветер, накрапывал противный дождик, небо обложили тяжелые тучи, а на душе

у него было и того мрачнее. Он полагал, что его главная проблема – недоверчивый Мартынюк, подозревающий его в причастности к гибели Яны, но, выходит, существует и более серьезная! Мономах проработал на одном месте много лет. В эту больницу его перетащил в свое время бывший главврач, Лаврушин, приглядев талантливого молодого хирурга в Институте имени Вредена и предложив хорошие условия. Он планировал создать специализированное отделение ТОН и искал хороших специалистов. Мономах стал первой ласточкой. И вот теперь все, что они с Лаврушиным с таким тщанием и любовью создавали, грозит рухнуть в один момент!

– Вовка? – услышал он неуверенный вопрос и обернулся. – Мономах?

Перед ним стоял импозантный мужчина в пальто с меховым воротником. «Немного не по сезону, – подумалось Мономаху, – рановато еще». В его лице было что-то знакомое, но он никак не мог сообразить, кто это. Тем не менее только хороший знакомый назвал бы его Мономахом, кличкой, прицепившейся к Владимиру Князеву еще в институте.

– Да Пашка я, Пашка Трубников! – снова заговорил мужчина, приближаясь. – Ну да, понимаю, я потолстел, полысел... А ты вот не изменился, веришь? Я сразу тебя узнал!

– Пашка?! – пробормотал Мономах. Ну разумеется, это был он, только изрядно раздавшийся в плечах и талии! Во время учебы Павел Трубников был худым как щепка, носил длинные волосы и жидкую рыжеватую бороденку, за которую так и подмывало дернуть. Сейчас его лоснящееся довольством и сытостью лицо было чисто выбрито, а шевелюра – вернее, то, что от нее осталось, – коротко подстрижена.

– Какими судьбами? – спросил Мономах. – Ты же вроде в Краснодар переехал?

– Вот, вернулся, как видишь, – пожал плечами Трубников. – Уже пять лет тому. Развелся со Светкой и решил, что меня там ничто не держит. Дети выросли... Слушай, давай внутрь зайдем, что ли?

Мономаху не хотелось возвращаться в бар, где состоялся неприятный разговор с Кайсаровым. Однако тот уже уехал, а стоять на улице под дождем глупо, поэтому Мономах согласился.

– Ну как живешь? – спросил Павел, после того как оба взяли себе пива и приземлились у стойки бара. – Слышал, развелся. Дети?

– Развелся давным-давно, есть сын, – подтвердил Мономах.

– По твоим стопам пошел?

– В некоторой степени. Он стал спортивным врачом.

– А мои вот, представляешь, и слышать не желают о медицинской карьере: говорят, мало бабла! Господи, какие же мы с тобой старорежимные... Или просто – старые?

– Согласен, – криво усмехнулся Мономах. – Ты какими судьбами здесь?

– Тут в больнице мой дядька лежит, в гастроэнтерологии – заходил навестить. А ты?

– Я работаю в этой самой больнице.

– Да ну? Бывает же!

– А ты где?

– В центре. В стоматологическом.

– Где, прости? – изумился Мономах. – Ты же гинеколог!

– Был раньше. Потом, видишь ли, как и детки мои, осознал с опозданием, что надо что-то менять в жизни, а то она пройдет, а я так и буду сидеть и ждать у моря погоды.

– Так ты бизнесом занялся, что ли?

– Переквалифицировался. Работаю стоматологом-гигиенистом, веришь? Деньги хорошие и, что немаловажно, смотреть бабам в рот гораздо приятнее, нежели в... ну, ты понимаешь! Проведя пятнадцать лет в гинекологии, я стал ловить себя на мысли, что начал ненавидеть женщин. Надо было срочно что-то делать, и я нашел выход. Вот, собственно, так все и получилось!

– Если тебя все устраивает, то и ладно, – пожал плечами Мономах. – Работа должна приносить удовлетворение, иначе она доставляет одни проблемы.

– У тебя неприятности?

– С чего ты взял?

– Ну, ты так это сказал...

– У меня все прекрасно.

– Тогда предлагаю встретиться и посидеть как следует – не «на одной ноге», а по-человечески. Ты как?

– Я не против. Вот мой телефон, звони, – Мономах протянул визитку.

Минут через пятнадцать бывшие однокашники распрощались. Ловя машину на перекрестке, Мономах думал о том, как странно встречать знакомых спустя долгое время: после того как они кратко рассказывают друг другу о произошедших в жизни изменениях, тем для продолжения беседы практически не остается! Честно говоря, он не жаждал новой встречи с Павлом Трубниковым и надеялся, что и тот придерживается того же мнения, предложив созвониться лишь для галочки. Мономах работал так много, что не имел возможности видаться даже с близкими друзьями – просто счастье, что лучший друг, патолог Иван Гурнов, работает в той же больнице. Так с какой стати делать исключение для Павла, дружба с которым завершилась в тот самый момент, когда они окончили мед? Да и дружбы-то особой не было – так, тусня в общей компании...

Притормозившая машина отвлекла его от мыслей о Трубникове. Устроившись на переднем сиденье, Мономах задумался о другом – о разговоре с Кайсаровым и его недвусмысленном предложении.

* * *

Дочь телеведущей ходила в элитарную школу на Васильевском острове. Хотя Алла и взяла на себя ее мать, как личность известную и способную устроить скандал из-за того, что кто-то покажется ей некомпетентным или занимающим недостаточно высокую должность в СК, она решила дать Сане Белкину поработать «на земле» самостоятельно, без присмотра старших товарищей. Такое решение показалось ей логичным еще и потому, что именно Александр, потратив кучу времени, излазил соцсети, в которых была зарегистрирована покойная Юля, в поисках ее возможных сексуальных связей. Он нашел лишь обычные подростковые приколы, фотографии в провокационных позах (все девчонки в ее возрасте выкладывают такие!), да ничего не значащую переписку фривольного содержания с несколькими парнями. Чтобы прочесть последнюю, Белкину пришлось взломать аккаунты Юли, воспользовавшись пиратской программой, но он не стал упоминать об этом при Сурковой, чтобы не ставить ее в неудобное положение. Он предполагал, что следачка догадывается о незаконности методов его работы, однако предпочла бы сохранить статус-кво. Ничего полезного тем не менее из социальных сетей выудить не удалось – кроме, пожалуй, имен близких друзей. Мать Юли не смогла их назвать! Они с дочерью виделись редко, а общались и того реже, ведя каждая свою жизнь, почти не интересуясь чужой. Применимо ли слово «чужая» для членов семьи? Саня предпочитал не задумываться над столь философскими вопросами, оставляя себе лишь факты. А факты таковы: Анна Иродова понятия не имела о жизни дочери вне музыкальной школы и кружков, в которых она занималась, как всякий ребенок состоятельных и вечно занятых родителей, желающих, чтобы дитя не болталось без дела по улицам в поисках приключений.

Лучшую подругу Юли звали Ларисой Угрюмовой, и Саня надеялся, что фамилия девочки не соответствует ее характеру и у нее удастся узнать что-то конструктивное о личной жизни товарки. Белкин слышал, что попасть в школу в современных условиях не так-то просто, но все же удивился, когда охранник «срисовал» его еще у забора и тут же направился навстречу. Саня порадовался, что у него в кармане уютно устроилась книжечка СК, которую он поспешил предъявить. Лицо охранника выразило должное уважение, и Белкина пропустили на территорию и даже объяснили, как найти нужный класс. Он не стал вламываться посреди занятия, а предпочел интеллигентно дожждаться звонка. Ларису Угрюмову он узнал по фотографиям, которые видел на ее странице «ВКонтакте». Чисто внешне она не годилась Юле в подруги: невзрачная девочка в очках сильно проигрывала дочке телеведущей,

обладавшей яркой внешностью. Тем не менее они дружили!

– Лариса, можешь рассказать мне о Юле? – попросил он, когда они присели за столик в школьном кафетерии. Помимо них там находилось несколько младшекласников с учительницей да двое учителей в самом конце зала вели неспешную беседу за чашкой чая.

Девочка поправила очки, сползшие по короткой переносице на самый кончик носа.

– Может, вы лучше вопросы будете задавать? – предложила она.

– Хорошо, – согласился Саня. – Как давно вы дружите... то есть дружили?

– Вы думаете, мы слишком разные?

В проницательности девчонке не откажешь!

– Мы как в первом классе сели за одну парту, так и сидели вместе, – продолжала Лариса. – У нас обеих плохое зрение, только Юля стеснялась и не любила очки носить. Потом она стала надевать линзы... А мы так и остались в первом ряду. Все привыкли.

– Юля была хорошей подругой?

– Хорошей. Особенно до восьмого класса.

– Почему именно до восьмого?

– Ну, она стала интересоваться мальчиками, понимаете? – Толстый пальчик с обгрызенным ногтем вновь подвинул очки повыше.

– А ты, значит, к мальчикам равнодушна? – предположил Саня.

Девочка кинула на него быстрый взгляд и тут же отвела глаза.

– У меня есть занятия поважнее, – буркнула она. – В университет через два года поступать!

У такой, как Лариса, не много шансов найти себе парня: толстоватая, неприметная девчонка вряд ли пользуется успехом у противоположного пола. В отличие от Юли. Немудрено, что интересы подруг разошлись, как только они достигли периода половой зрелости. Только Лариса, из гордости, предпочитает делать вид, будто парни ее не привлекают – куда ж деваться, если не желаешь признавать собственную неконкурентоспособность?

– Ты сказала, Юля интересовалась мальчиками, – сказал Саня. – А был кто-то, кого она особенно привечала?

– Привечала? Какое странное слово!

– Почему?

– Ну, устаревшее, что ли, а вы такой молодой... Вы правда из Следственного комитета?

Белкин подавил вздох и продемонстрировал девочке свою книжечку.

– Мы можем продолжать? – спросил он. – Был ли...

– Да нет, не было, – быстро ответила Лариса. – Юля только флиртовала. Ей нравилось, что на нее обращают внимание, но мать почти не оставляла ей времени на свидания. Юле даже в кино сходить было некогда, представляете? И, на самом деле, ей нравились мужчины постарше.

– Ты кого-то конкретного имеешь в виду?

– Да нет... нет, конечно.

Лариса смутилась, решив, что сболтнула лишнее, однако Саня, как гончая, взявшая след, отступить не собирался.

– И все-таки, – с нажимом продолжил он, – кого из взрослых парней ты видела с Юлей? Или, может, она о ком-то тебе рассказывала?

Девочка еще немного помялась, потом ответила:

– Ну был один... Симпатичный такой, высокий брюнет. Одет клево, тачка у него такая... Внедорожник, темно-серый.

– И часто ты видела их вместе?

– Да один раз всего, мужик ее из школы забирал.

– А она не объяснила, что за парень?

– Напустила на себя загадочный вид, говорила полунамеками... Короче, выпендривалась!

Лариса чувствовала себя обиженной. Возможно, она до сих пор не осознала потерю, ведь подростки, в отличие от взрослых, легче относятся к смерти, считая ее временным явлением. Неприятности заканчиваются, и это пройдет... И все снова будет хорошо.

* * *

Араик Туманян оказался невысоким, плотным молодым человеком лет тридцати. Не особо привлекательным – хотя, с другой стороны, Антон ведь не женщина, чтобы судить о таких вещах. Тем не менее он где-то читал, что понятия о красоте у всех людей, и даже у разных народов, одинаковые. К примеру, вам могут не нравиться раскосые глаза и прямые черные волосы, однако, встретив хорошенькую китайку или японку, вы непременно признаете, что она не только выгодно отличается от большинства соотечественников, но и довольно близка к идеалу внешности. Маргарита Арутюнян была хороша – настоящая красавица, и, хотя Антон предпочитал блондинок, он не мог не отдавать девушке должного и не сожалеть, что ее больше нет среди живых. Такую красотку трудно представить себе рядом с Араиком, обычным продавцом в продуктовом магазине отца.

– Нет, я понятия не имел, что Маргарита беременна, – поджав полные губы, ответил на вопрос Шеина Туманян. – Даже предположить не мог!

– Простите, вы не знаете, что от, э-э... близости родятся дети? – вырвалось у Антона. Он тут же пожалел о своей несдержанности, потому что лицо парня потемнело и напряглось, а взгляд, и без того настороженный, сделался тяжелым.

– А не было близости, – процедил Араик. – Маргарита хотела, чтобы все произошло только после свадьбы. А сама, выходит, замутила с кем-то и даже залетела?! Тварь!

– Погодите, так ребенок от...

– От кого-то другого! Я берег ее, пылинки сдувал, а она...

– Ее родители в курсе?

– Не знаю я, в курсе или нет! – взорвался парень. – А ведь это они должны были следить за ее поведением! Столько народу в доме, мамки-няньки, а деваха по мужикам пошла! Отец говорил, не стоит связываться с семьей, у которой не все в порядке...

– Что это значит – «не в порядке»?

– От осинки, как говорится, не родятся апельсинки. Но Маргарита бы такая... ну, вы понимаете!

Араик выглядел раздраженным. Мог ли он в порыве гнева убить девушку?

– Араик, когда вы узнали о беременности вашей невесты? – задал прямой вопрос Антон, внимательно глядя на собеседника.

– Ну, нет, вы мне убийство не пришьете! – скривился тот, сообразив, куда дует ветер. – Я узнал, когда и все... Кстати, почему вдруг СК заинтересовался убийством? Или правда, что в новостях рассказывают?

– О чем рассказывают?

– Да о маньяке, который беременных убивает!

– О маньяке мне ничего не известно, а вот вы знаете, с кем еще, кроме вас, встречалась Маргарита?

– С кем? – Лицо Араика перекопилось. – Да вы в своем уме?! Да если бы я только узнал... – Тут он понял, что хватил через край, заставив Антона подумать о себе как о возможном подозреваемом, и сбавил тон: – Насколько я знаю, Маргарита ни с кем не встречалась, кроме подруг. Я думал, что получаю чистую, непорочную девушку, желающую быть женой и матерью, заботиться о муже и доме, а она... В любом случае все вскрылось бы, ведь я-то точно знал, что не дотрагивался до нее и пальцем!

– Хорошо, – вздохнул Антон, – а где вы были в день гибели Маргариты?

– Меня уже спрашивали, – буркнул Туманян. – Я был в магазине. Меня видели моя напарница и покупатели. Большинство из них постоянные, можете их спросить!

– Обязательно спросим, – пообещал Антон, в глубине души испытывая жалость к обманутому в лучших чувствах парню. – А вы, на всякий случай, не покидайте пределов города, ладно?

– Да куда же я уеду? – развел руками продавец. – А вы можете пообещать, что назовете имя того, кто обрюхатил мою невесту?

– Не могу, – покачал головой Шеин. – Я расследую убийство, а не измену!

* * *

Сидя в каморке Ивана Гурнова, примыкавшей к «холодильнику», Мономах с приятелем потягивали коньяк, запасы которого, стараниями благодарных пациентов, не иссякали. Само собой, пациентов Мономаха: «клиенты» Гурнова, в силу своего состояния, не способны испытывать чувство благодарности – как, впрочем, и никакие другие чувства.

– И что ты думаешь делать? – спросил Иван, отправляя в рот кружочек тонко нарезанного лимона.

– А что я могу? – обреченно пожал плечами Мономах. – Положусь на Кайсарова – похоже, он всерьез намерен разобраться с Муратовым!

– Ну, дай бог, – закивал Гурнов. – Может, из этого и выйдет толк: мохнатая лапа в верхах еще никому не мешала! Благодарный мужик оказался, да? Кто бы мог подумать...

Рассказав Ивану о встрече с Кайсаровым, Мономах умолчал о его предложении стучать на Муратова. Хоть он и не дал прямого ответа, ему было стыдно.

– Да я сам не ожидал, – пробормотал он.

– Брось, ты ж его дочку от тюрьги спас! Греется сейчас под теплым арабским солнышком...

– Кто знает, что у Алсу в голове? Сейчас она в ремиссии, но надолго ли?

– Не твоя печаль, забей! Тебе о своей шкуре думать надо. Я надеялся, что Муратову по башке настучат за происшествие в приемном отделении, но, видать, у него слишком сильный покровитель, раз даже Кайсаров не дает гарантий! Но я бы на твоём месте не сидел ровно на заднице, а попытался подложить Муратову свинью. Он-то уж не стесняется в средствах в борьбе с тобой!

– Ты предлагаешь нанять кого-то, чтобы пристрелил Муратова, или самому облить его кислотой и закатать в бетон на стройке?

– Звучит разумно! – мечтательно произнес патолог, закатывая глаза. – А давай вместе? И сидеть будем в соседних камерах. А если повезет, то и в одной.

– Чем тебе-то Муратов насолил? Он, по-моему, вообще не в курсе существования вашего отделения!

– И это становится особенно очевидно в период распределения премий, – буркнул Гурнов. – У нас они самые маленькие! А у вас только чуток побольше, хотя твое отделение приносит огромные бабки, которые платят иногородние пациенты, стремящиеся улечься в койку именно к тебе, прости за каламбур!

Мономах покачал головой. С тех пор как премиальный фонд отдали на откуп главврачам, ситуация в больницах осложнилась. Теперь все зависит не от личных заслуг врачей и даже не от того, как много денег приносят платные пациенты: роль играет лишь то, насколько благосклонен к заведующему отделением главный врач. Сумма премий держалась в строжайшей тайне, но у Гурнова везде свои люди.

– А угадай, у кого самые большие премии? – продолжал Иван.

– Чего тут гадать-то? – пожал плечами Мономах. – У Тактарова!

– Точно. Ну и еще у Иващенко, ведь она с спит с Муратовым.

– Иващенко?! – изумился Мономах.

Алена Дмитриевна Иващенко являлась начальницей планово-экономического отдела и женой хирурга из гастроэнтерологии. Интересно, он в курсе?

– Отвечаю! – подтвердил Гурнов. – Понимаю твое удивление, она отнюдь не красotka. У Муратова отвратительный вкус, как и характер, да и вообще он редкостная дрянь. Так что если решишь насчет кислоты, я в деле!

– Договорились.

– У меня для тебя тоже есть новость, – сказал Иван после непродолжительного молчания.

– Какая?

– Мне работу предложили.

– Ты уходишь из больницы?! – пришел в ужас Мономах: сама мысль о том, что у него отнимут возможность спускаться в подвал, чтобы отвести душу в беседе с патологом, казалась убийственной.

– Окстись, куда я денусь! – отмахнулся Иван. – Дополнительную работу.

– Но у тебя же полная ставка, да и в деньгах ты не нуждаешься!

Отец второй жены Гурнова обожал зятя. Он долго и тяжело болел, и Иван заботился о нем, в то время как родная дочурка была рада скинуть проблемы с отцом на мужа. Под конец тесть начал испытывать сильные боли, и Ивану каким-то образом удавалось добывать для него сильные обезболивающие. Кстати сказать, женка просила Гурнова сделать папе эвтаназию – ну конечно, ведь ей это ничем не грозило, а вот Иван мог отправиться за решетку за такую доброту! Он отказался, но исправно колол наркотики тестю, и тот жил себе счастливо до самой последней минуты. А после его смерти выяснилось, что тесть, богатый, но прижимистый человек, оставил свое состояние любимому зятю. Кроме денег и акций нескольких крупных компаний, Иван заполучил квартиру на Крестовском острове, ветеринарную лечебницу и фирму по ремонту автомобилей – тесть придерживался принципа, что не следует держать все яйца в одной корзине. Ко времени его смерти Иван успел развестись с женой, и, соответственно, она не могла претендовать на часть наследства отца как на совместно нажитое имущество! Бывшая попыталась отсудить хоть малую толику, но Гурнов нанял адвоката и оставил ее с носом. Правда, он сделал напоследок красивый жест и подарил экс-супруге их общую квартиру. Она подарок не оценила и до сих пор делала Ивану гадости при каждой удобной возможности. К счастью, для него они были не опаснее комариных укусов.

– Новая работа скорее хобби. Держись за стул, а то упадешь! – ухмыльнулся Иван, вращая глазами, словно китайская мягкая игрушка.

– Ты меня пугаешь!

– Работа – в СК.

– Что-что?!

– Им там дико понравился мой отчет по Четыркиной, представляешь? Только я не пойму, что в нем особенного – у меня все отчеты такие! Вспомнили, кстати, мою работу по делу твоей Алсу... Короче, я подумал, что это было бы интересно. Вот, хотел с тобой посоветоваться.

– Какое значение имеет мое мнение?

– Ты же мой лучший друг, – передернул плечами Иван. – Если считаешь, что мне не стоит соглашаться...

– Соглашайся! Ты отличный спец и можешь здорово помочь в расследованиях.

– Мне действительно надоело иметь дело с рутинной: по большей части мои отчеты никому не нужны, понимаешь? Крайне редко попадает действительно интересный случай... И во всем этом есть еще один приятный момент: Муратов не сможет даже косо посмотреть в мою сторону, потому что Следственный комитет не позволит ему меня тронуть ни при каких обстоятельствах!

– Хоть одна хорошая новость за день!

– Ну, тогда давай дернем за мою новую работу в СК и бонусы, которые она сулит!

Мужчины подняли пластиковые стаканы и легонько стукнули их друг о друга.

* * *

– Ну а у вас что, коллеги? – спросила Алла, поделившись информацией, полученной в результате бесед с Мономахом и Анной Иродовой. – Чем порадуете?

– Я поболтал с мужем Антонины Гуревич, – сказал Дамир. – Он понятия не имеет, каким образом супруга могла забеременеть в то время, когда он находился на буровой!

– Да уж, ребус! – хмыкнул Антон Шеин. – Кот из дому – мыши в пляс.

– Зато в курсе оказалась сестрица мужа, Лидия Гуревич.

– У нее та же фамилия? – уточнила Алла.

– Она не замужем. Работает в библиотеке, своей семьи нет, вот братец и подрядил ее следить за любимой женкой, пока он вкалывает за тридевять земель.

– Гуревич попросил собственную сестру шпионить за Антониной?

– Именно! Но не учел одного факта.

– И какого же?

– Женской солидарности.

– Я правильно понимаю, Дамир, что любовник таки был?

– А вы думали, что ребеночка ветром надуло? – ухмыльнулся Ахметов. – Разумеется, любовник был, и наша Лидочка отлично об этом знала!

– Знала, но брату не сказала? – удивился Антон.

– Ты не видел этого Гуревича – у него лапищи, как у памятника Маяковскому! Если бы он только узнал об измене, один удар – и Антонину с пола соскребала бы бригада судмедэкспертов! Признаться, я и сам лишнее слово при нем боялся сказать.

– Значит, Лидия пожалела Антонину? – спросила Алла.

– Или испугалась, что брат сядет. Она знала, что невестка беременна – Антонина ей призналась. Проблема в том, что она поздно поняла, в чем дело. Обе были в панике, но Антонина сказала, что решит проблему.

– И решила! – воскликнул Антон. – Нашла специалиста, сходила тихонечко... да и умерла.

– Так, а кто у нас таинственный любовник? – поинтересовалась Алла.

– Ничего таинственного, – ответил Ахметов. – Вы будете смеяться: это сантехник! И самое веселое то, что именно Лидия Гуревич его порекомендовала, когда Антонина пожаловалась на неполадки с санузлом!

– Вот это расклад! – развеселился до сих пор молчавший Белкин. – Муж бурит на установке, а сантехник... – он осекся, поймав суровый взгляд Аллы.

– Вы говорили с этим сантехником?

– Он умолял не рассказывать Гуревичу, потому что слышал от Лидии, что тот собой представляет, и уже сменил не одну пачку подгузников, размышляя о своем незавидном будущем, если вдовец выяснит правду! Он говорит, что не знал о беременности – видимо, Антонина не планировала разводиться.

– Это как же надо сексуально голодать, чтобы в отсутствие мужа замутить с сантехником, пришедшим чинить унитаз! – озадаченно пробормотал Шеин, качая головой. – Видать, горячая штучка была наша Антонина!

– Выходит, мы не знаем, к кому обращалась Гуревич с целью избавиться от ребенка, – констатировала Алла. – Ладно, а как обстоит дело с неизвестной из леса, которую обнаружила парочка любовников – вы успели что-то узнать, Дамир?

– Личность установили, – кивнул опер. – Имя – Евгения Дробыш.

– Замужем?

– Нет. Приехала из Ижевска.

– Родне сообщили?

– Детдомовская она.

– Что же ее в Питер-то понесло? – удивился Антон.

– А что ее держало? – пожал плечами Белкин. – Раз нет семьи, то любое место сгодится!

– Это Питер-то – любое?

– Оставим философские споры! – вмешалась Алла. – Но вопрос интересный: почему Дробыш приехала именно к нам?

– Ничего удивительного, – ответил Дамир. – У нее подруга здесь.

– Тоже детдомовская?

– Верно, но у нее, кажется, родная бабка имеется. Вроде девица неплохо устроилась, вот Евгения и решила к ней податься, когда на родине не сложилось.

– С подругой удалось поболтать?

– Нет пока, но я поговорил с соседкой Дробыш. Они снимали квартиру на двоих.

– Она в курсе, от кого была беременна Евгения?

– Говорит, та не рассказывала.

– Может, мужик женат? – спросил Шеин. – Так обычно и бывает!

– Ольга не в курсе. Она любовника не видела, но, когда поняла, что Евгения беременна, начала спрашивать. Дробыш напустила на себя загадочности, но проговорила, что скоро, дескать, все изменится и она заживет наконец по-человечески. Может, сказала, даже дело свое откроет.

– То есть мужик ей что-то пообещал, когда узнал о ребенке? – уточнил Антон.

– Похоже на то.

– Вдруг подруга, из-за которой она приехала, знает, кто наш таинственный папаша? – задала вопрос Алла.

– Ольга передала мне записную книжку жертвы. Известно, что подругу зовут Эля, но надо изучить контакты. Саня, займешься?

– Ладно, – вяло отозвался Белкин. С одной стороны, он понимал, что возня с данными – неотъемлемая часть оперативной работы, но ему гораздо больше нравилось «топтать землю», нежели сидеть, уткнув нос в бумажки.

– Получается, мы можем заключить, что пока ничего общего между жертвами не найдено, – подытожила Алла. – Кроме того, что все они были беременны. Ну и еще одно: Гуревич и Иродова найдены в двух кварталах друг от друга. Зато остальные – в противоположных концах города, так что вряд ли территориальный признак здесь основной! Либо мы плохо искали, либо искали не там. Насчет Дробыш: надо во что бы то ни стало встретиться с этой Элей! Четыркина: необходимо найти ее бойфренда, который любит распускать руки. Насчет приюта «Дочки-матери» я еще подумаю – здесь необходим тонкий подход.

– Этот ваш Мономах, Алла Гурьевна, занятный мужик! – хохотнул Шеин. – Надо же, собственное расследование провел!

– И, что интересно, с успехом, – вставил Дамир. – Он наш конкурент, Алла Гурьевна. Как насчет взять его в команду?

– Плохая идея, – поморщилась Алла. – Каждый хорош в своем деле. Князев – отличный врач, но он не сталкивался с по-настоящему опасными людьми. А мы имеем дело именно с такими: кто, по-вашему, может запросто угробить нескольких беременных женщин?

– А что, если связи между преступлениями не существует? – неожиданно спросил Белкин. – Что, если женщин убили по разным причинам?

– Вот потому-то мы и должны побольше узнать об их ближнем круге, – согласилась Алла. – Начальство только обрадуется, если оправдаются ваши предположения, Александр, ведь никому не нужен маньяк, разгуливающий по городу и уничтожающий будущих матерей!

– Две женщины делали аборты, – задумчиво произнес Дамир. – Если это все-таки маньяк, вдруг он мстит?

– За нерожденных детей? – недоверчиво изогнула бровь Алла. – А способ убийства для него неважен, вы хотите сказать?

Ахметов кивнул.

– И такое возможно, – согласилась она. – Но как быть с тремя другими?

– А вдруг они тоже намеревались?

– И это не исключено. Давайте искать гинеколога, но не забываем и о других задачах. Пока что у нас – поле непаханое!

* * *

Мономах еще не поднялся на крыльцо, когда дверь его дома распахнулась и оттуда выскочил Жук, гигантское лохматое чудовище породы ирландский волкодав. Пепельно-серый, с огромной головой, Жук доходил Мономаху до пояса, когда стоял на всех четырех лапах. Вид он имел угрожающий, и никому не пришло бы в голову покуситься на хозяина в присутствии столь пугающего существа – да даже просто приблизиться! Между тем Жук был нежнейшим псом, который, однако, мог запросто повалить на землю любого, кто только подумает о том, чтобы причинить вред Мономаху. Строго говоря, Жук принадлежал его сыну. Артем принес щенка, когда тот был не больше плюшевого медвежонка, но из-за постоянных разъездов и сборов сын бывал дома так редко, что вырастил Жука Мономах. И именно он стал его настоящим хозяином. Когда Артем приезжал, пес дежурно радовался, с удовольствием позволял себя ласкать и гладить, но подчинялся он только одному Мономаху. Артем не ревновал, признавая, что это справедливо.

То, что собака на свободе, говорило о присутствии домработницы. Дом, построенный на «олимпийские» деньги Артема, располагался в поселке Пудость, что недалеко от города Гатчины, в часе езды от Питера. Гатчина главным образом знаменита тем, что там находится замок императора Павла Первого,

русского Гамлета, как его называли из-за жизни под постоянным давлением великой матери, Екатерины Второй, и трагической безвременной кончины в результате заговора придворных. Пудость представляет собой сборную солянку из таунхаусов, частных деревянных домов и коттеджей, выросших там за последнее время как грибы после дождя. Мария Семеновна Боткина жила по соседству, в той части, которая не относилась к элитной территории. Она была одинокой, активной пенсионеркой, и ей не мешал небольшой приработок, получаемый от Мономаха. Мария Семеновна прибирала, стирала белье и иногда готовила еду для своего вечно занятого подопечного. Брала недорого, зато имела возможность в любое время пользоваться услугами дипломированного врача и его связями, если приходилось ложиться в больницу.

Распахнув дверь, Мономах вошел, спотыкаясь о крутящегося под ногами Жука.

– Вернулись? – раздался голос из ванной комнаты на первом этаже. Через минуту показалась и сама домработница. – А я тут стирку затеяла, вещей накопилась тьма. И откуда столько, ведь один живете-то!

Мария Семеновна выросла в сельской местности, а потому ей невдомек, зачем одинокому мужчине каждый день менять носки, рубашки и футболки, а также раз в неделю постельное белье. Несмотря на свои взгляды, она не возражала стирать все это в новой стиральной машине, а потом гладить. Добрая душа, жалеющая человека, вынужденного обходиться без женской руки.

Единственным, что раздражало Мономаха в домработнице, были ее намеки на необходимость вступить в повторный брак «с какой-нибудь хорошей женщиной», потому что «негоже еще молодому, солидному врачу болтаться в одиночестве, как «цветок» в проруби».

– Кстати, вы в курсе, что у вас крыша течет? – задала она новый вопрос, не дождавшись ответа на первый.

– Как это, ведь...

– Да-да, новая крыша, но – течет, я вам говорю!

– Придется рабочих вызывать, – обреченно вздохнул Мономах: вот как раз сейчас ему только бытовых проблем и не хватало! – Я позвоню...

– Зачем звонить? – перебила Мария Семеновна. – Вон, у соседей бригада дом строит. Из Таджикистана. Или Узбекистана... Или они из Казахстана? Короче, не важно, но ребяташки хорошие.

– Откуда вы знаете, что хорошие? – поинтересовался Мономах.

– Вас сутками дома нет, и вы ни с кем не общаетесь, а один паренек мне несколько раз помогал и даже денег не взял! Сархатом его звать. Надо дать мальчику подработать, а то бригадир у них – зверь, платит копейки и дерет три шкуры!

– Это вам ваш гастарбайтер поведал?

– Да что, у меня глаз нет? Я сама вижу – и как он их гоняет, и как на обеденный перерыв времени не дает, до темноты пахать заставляет. Когда Сархатик мне помогал, бригадира тут не было, а то бы он его живьем слопал!

– Ну у них же есть выбор, – пожал плечами Мономах. – Можно в Таджикистан вернуться.

– Так нету там работы-то! – развела руками Мария Семеновна. – Иначе бы ребята не приезжали, им у нас плохо. Платят мало, да и к погоде нашей они непривычные! Так я позову Сархатика?

Обрадовавшись, что разговор о крыше окончен, Мономах разделся и прошел в гостиную. На журнальном столике он увидел ворох каких-то бумажек и карточек.

– Я вытащила это из ваших карманов, – пояснила домработница, следующая за ним по пятам. – Гляньте, что там вам нужно – вдруг важное?

Мономах слишком устал, чтобы копаться в мусоре. Скорее всего, это рекламки и напоминки, которые он сам себе писал, чтобы что-то не забыть. Сын подарил ему кучу шикарных ежедневников в кожаных переплетах, но Мономах не привык ими пользоваться. Он писал записки на стикерах и рассовывал по карманам или наклеивал на экран компьютера. Еще агенты приходили из фармацевтических фирм или компаний, занимающихся медицинским оборудованием. Мономах брал

визитки, а потом выбрасывал – странные люди, неужели они думают, что заведующий отделением сам решает, что и у кого покупать?

Сгребя ворох макулатуры со стеклянной поверхности, Мономах собрался выкинуть все скопом в мусорный бачок, как вдруг одна бумажка привлекла его внимание. Не стикер, а обрывок листка из школьной тетрадки в линейчку. Мономах развернул его и застыл – ярким фломастером там было написано одно только слово: «Помогите!»

* * *

Эля, в миру Елизавета Топтыжкина, согласилась встретиться со скрипом. Следы Топтыжкиной обнаружились в базе: в прошлом она задерживалась за проституцию, проходила по делу об организации борделя, и каждый раз ей чудом удавалось выкрутиться. С тех пор прошло лет пять, и об Эле не было слышно. Однако Белкин нарыл информацию о том, что нынче она владеет банными комплексами в разных концах города, и что-то подсказывало Дамиру, что мужики туда ходят не только попариться. Это хорошо, потому что ему требовались факты, чтобы прижать дамочку, буде она станет отказываться от беседы. Сработало, и Эля пообещала навестить его в Комитете, чтобы уладить любые недоразумения.

Топтыжкина оказалась невысокой, плотной молодой женщиной. Ее одежда, хоть и представляла собой безвкусную эклектику, прямо-таки кричала о том, что куплена в дорогих бутиках. Макияж был под стать – кроваво-красные губы, «египетские» стрелки и наклеенные ресницы, обильно политые синей тушью. Да, интересная подруга у покойницы Дробыш – что, черт подери, могло их объединять?!

– Только то, что мы из одного города, – передернула плечами Эля, отвечая на вопрос опера. – Никакая она мне не подруга – так, время вместе проводили в детдоме... Я обалдела, когда она вдруг ко мне завалилась! С котомками, банками какими-то с соленьями – типа, сама навертела... Как из колхоза, честное слово!

– Женя знала, чем вы на жизнь зарабатываете?

- А у нас, знаете ли, всякий труд в почете! – огрызнулась бандерша.
- И особенно ваш труд ценится в нашей правоохранительной системе – от ста до пятисот тысяч рублей. Или до трех лет.
- Да-да, я в курсе, – поморщилась Эля. – Я ведь пришла, зачем меня запугивать?
- И в мыслях не было! – развел руками Дамир. – Так мой вопрос...
- Сначала Женька ни о чем не догадывалась. Она думала, я замуж вышла. Дура набитая! Кому мы тут нужны, в Северной, едрить ее, столице? Это я бабке так писала...
- Когда Женя узнала?
- Да быстро, такое ведь скрыть трудно!
- И как она отреагировала?
- Ну, не обрадовалась, это точно, – пожала плечами Эля. – Только вот деваться-то некуда, так неча, как говорится, и нос воротить! Она просила меня устроить ее на какую-нибудь работу.
- И что, устроили?
- Ага.
- Проституткой?
- Уборщицей в свой банный комплекс. Глядя на ее перекошенную рожу, когда она клиентов с девочками видела, я каждый раз спрашивала себя, зачем вообще с ней связалась! Хотя Женька симпатичная была, могла бы хорошие бабки зашибать... За уборку, сами понимаете, я много платить не могла.
- Тот, от кого она забеременела, был вашим клиентом?

– Да я понятия не имею, кем он был! Только начала замечать, что у Женьки живот вроде как из-под халата сильнее обычного выпирает. Я сначала подумала, что ошиблась, но все-таки прижала ее к стенке, и она призналась.

– Знаете, кто папаша?

– Не-а, Женька как воды в рот набрала! Сказала только, что, дескать, все изменится в ее жизни. И квартира будет, и жизнь нормальная. Откуда, спрашиваю, все это нарисуеться? А она говорит, Джамалия поможет!

– Кто-кто поможет? – не понял Дамир.

– Есть одна колдунья, Джамалия. Вернее, не колдунья, а как ее... шаманка, вот! Я к ней хаживала – так, про будущее узнать, на картах погадать.

– Шаманка? – скривился Дамир.

– Ничего смешного! – с видом оскорбленного достоинства процедила Эля. – Хорошая колдунья, не шарлатанка какая-нибудь!

– Ну-ну, и какое она отношение имела к Евгении, эта даровитая особа?

– Когда Джамалия ко мне в баню пришла...

– Она еще и в баню приходила?!

– В турецкую, да. А что? У меня, знаете, все пристойно – и турецкая баня, и финская, на любой вкус! Джамалия страсть как сухой пар любит, вот и приходит пару раз в месяц. Короче, пришла она как-то, дела свои сделала, а потом спрашивает: кто, мол, девица, которая убирается у меня? Ну, я рассказала, а Джамалия и говорит: пусть она, дескать, и на нее немного поработает.

– И вы согласились?

– А мне-то что? – пожала плечами Эля. – Женька только глаза мозолила: как поймаю ее осуждающий взгляд, так тошно становится. Тоже мне, фифа!

– И что за работу предложила вашей приятельнице эта Джамалия?

– Да понятия не имею! – развела руками Эля. – И Джамалию давненько не видела, кстати.

– Получается, Евгения не согласилась? – продолжал пытаться Ахметов. – Она ведь не уволилась?

– Не уволилась. Может, не договорились они с Джамалией, по деньгам не сошлись... А Женьку, выходит, грох... убили то есть. Вот как бывает! Я считаю, ей надо было домой возвращаться, как только она залетела. Я даже предлагала оплатить ей дорогу, но она отказывалась. Твердила, что все скоро устроится...

– И мы опять возвращаемся к неизвестному отцу, – вздохнул Дамир, чувствуя, что попросту потерял с этой бабой кучу времени: она ничем не смогла ему помочь и не прояснила ситуацию с беременностью Евгении Дробыш. Ниточка завела в тупик, и придется начинать сначала!

* * *

Алла не имела возможности подготовиться к встрече с Мономахом: он позвонил, когда она сидела в кабинете перед доской, на которой разместила фотографии погибших женщин. Под каждой красным маркером Алла вывела краткие данные, а черным написала вопросы, на которые требовалось ответить. Пока она не стерла ни одного вопроса: сведения, полученные ею самой и ее коллегами, не давали необходимых ответов.

Они словно бы крутились на одном месте, пытаюсь нащупать связь между жертвами. А может, связи вовсе не существует? Или убивал маньяк, ненавидящий женщин в положении? Тогда следствие может растянуться на годы, ведь в этом случае единственным, что связывает жертв, остается беременность!

Когда Мономах позвонил и рассказал о найденной записке, Алла попросила его приехать. Она убеждала себя, что записка является важной уликой, но, честно признаться, она просто хотела вновь увидеть доктора – с его добродушным лицом, внимательным взглядом круглых серо-голубых глаз и размеренной

манерой речи. Ее симпатия к Мономаху была искренней и неожиданной для нее самой. Пережив разрыв с мужчиной, который ушел к дочери высокопоставленного эмвэдэшника, Алла думала, что утратила интерес к противоположному полу. Мужчины перестали существовать для нее как класс. Она работала с ними бок о бок, но это другое, ведь она не рассматривала их как самцов. Они были коллегами, они уважали и ценили ее за блестящую интуицию, умение отделять главное от второстепенного и ровное, непредвзятое отношение. Она знала, что некоторые мужчины относятся к ней иначе, считая карьеристкой и протеей, а кое-кто и любовницей Андрона Петровича Кириенко, генерал-майора юстиции и непосредственного начальника Аллы. Она старалась не обращать внимания на косые взгляды, справедливо полагая, что собственную несостоятельность и отсутствие карьерного роста недалекие люди склонны валить на то, что их «обошла какая-то баба, которая нашла подход к начальству через постель». Мономах стал первым мужчиной, с которым Алла впервые за два года почувствовала себя свободно и спокойно. Он не оказывал ей знаков внимания, их общение носило дружеский характер. В Мономахе Аллу в первую очередь привлекала доброта – необычное качество для мужчины. Для мужчины-врача, более того, врача-хирурга, оно и вовсе не характерно, и все же Мономах определенно обладал этим редким достоинством. С проявления доброты началось их знакомство, и потом, когда Алла узнала Мономаха поближе, она поняла, что эта черта является неотъемлемой частью натуры ее нового знакомого. Именно из-за своей доброты он едва не попал под раздачу в деле Яны Четыркиной. Доброта и желание выяснить причину смерти молодой беременной женщины привели к тому, что у него в кармане оказалась записка с мольбой о помощи.

Когда снизу позвонил дежурный и доложил о приходе «гражданина Князева», Алла приказала его пропустить, а сама достала маленькое зеркальце с пудреницей, проверяя свою презентабельность. Она знала, что делать это необязательно, ведь Мономах пришел не за тем, чтобы оценить ее неземную красоту. И все же Алла хотела предстать перед ним в наилучшем виде. Она на диете, и ей удалось за короткий срок потерять почти восемь кило – огромное достижение для человека, ранее не обращавшего внимания на режим питания. В юности Алла ела все, что хотела. Она не была худышкой, но имела вполне привлекательную фигуру с формами, которая заставляла облизываться представителей противоположного пола. Беда случилась с ней после разрыва с любовником. Алла заедала горе, расплылась и в конце концов перестала интересоваться тем, что показывает стрелка весов. А она опасно приближалась к отметке сто! Именно Мономах заставил Аллу вспомнить, что она, в свои тридцать шесть лет, молодая женщина, у которой все впереди.

По контрасту с цветущей, отлично себя чувствующей Аллой доктор выглядел уставшим, и она испытала чувство вины оттого, что заставила его приехать в такую даль. Она ведь совсем забыла, что Мономах вынужден пользоваться общественным транспортом, пока машина в ремонте! Чувство вины стало почти невыносимым: вместо того чтобы ехать домой, поест и лечь в постель, ему пришлось тащиться на другой конец города только потому, что Алле захотелось увидеться с ним лично.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Предложение, от которого не отказываются».

2

Диагноз, не признаваемый психиатрическим сообществом России.

3

Подробнее читайте об этом в романе И. Градовой «Предложение, от которого не отказываются».

Купить: https://tellnovel.com/gradova_irina/ne-delay-dobra

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)